

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a young man with dark, wavy hair and a red ribbon tied around his head, looking off to the side. He is wearing a dark, high-collared coat. Behind him are the masts and rigging of a large sailing ship. A large, bright red sun or moon hangs in a dark, cloudy sky. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and a striking red that highlights the man's hair, the sun, and the title text.

Лора
Шепард-Робинсон

18+

КРОВЬ
И
САХАР

Все пороки Лондона. Исторические
детективы Лоры Шепард-Робинсон

Лора Шепард-Робинсон
Кровь и сахар

«ЭКСМО»

2019

УДК 21.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Шепард-Робинсон Л.

Кровь и сахар / Л. Шепард-Робинсон — «Эксмо», 2019 — (Все пороки Лондона. Исторические детективы Лоры Шепард-Робинсон)

ISBN 978-5-04-196670-6

ПОБЕДИТЕЛЬ ПРЕМИИ HISTORICAL WRITERS НОМИНАНТ САМОЙ ПРЕСТИЖНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ПРЕМИИ «ИСТОРИЧЕСКИЙ КИНЖАЛ» Надежда может быть смертельной... Англия, конец XVIII-го века. Где-то балы, атласные платья и расшитые жилеты, а где-то — грязь, нищета и смерть. Лондон, 1781. Жаркий июньский день. На причале в Дептфорде подвешен за крюк труп мужчины, со следами ужасных пыток и с клеймом раба. Несколько дней спустя к капитану Гарри Коршэму приходит сестра Тэда Арчера, его старого друга. Она утверждает, что он собирался обнародовать правду, которая может нанести непоправимый ущерб британской рабовладельческой индустрии. А теперь и вовсе пропал... Чтобы узнать, что случилось с Тэдом, Гарри вынужден заняться расследованием и проникнуть в самое сердце заговора, который раскрыл Тэд. Это расследование поставит под угрозу будущее Гарри в политике и счастье его семьи, заставит встретиться лицом к лицу с темными секретами из прошлого, которые способны уничтожить его. «Увлекательный детектив... Мир передан автором с убедительной, ужасающей ясностью». К. Дж. Сэнсом, автор исторических бестселлеров «Блестящая книга! Абсолютно превосходная». Джеймс О'Брайен, журналист и подкастер «Работа поразительного мастерства». Financial Times «Криминальная история с яркими деталями георгианской Англии и запутанным сюжетом!» Sunday Times

УДК 21.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-196670-6

© Шепард-Робинсон Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Список действующих лиц	7
Пролог	9
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	34
Глава восьмая	37
Глава девятая	39
Часть вторая	44
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	46
Глава двенадцатая	49
Глава тринадцатая	52
Глава четырнадцатая	56
Глава пятнадцатая	62
Глава шестнадцатая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Лора Шепард-Робинсон

Кровь и сахар

Laura Shepherd-Robinson

BLOOD AND SUGAR

Copyright © Laura Shepherd-Robinson 2019

© Жукова М., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Иллюстрация на обложке Чаки Чаки

Художественное оформление Екатерины Петровой

* * *

Посвящается Адриану

Список действующих лиц

Лондон в 1781 году – это ненасытный бегемот, поглощающий леса и поля, окрестные деревни и небольшие города. Это центр формирующейся империи, столица страны, которая ведет войну. В обставленных со вкусом гостиных заключают политические и коммерческие сделки за чашкой сладкого чая – продукта торговой мощи Великобритании.

В восьми километрах к востоку, на берегу реки Темзы стоит Дептфорд – порт, из которого суда отправляются в далекие океаны к неописуемым богатствам. Это город, где на сахаре и рабах можно нажить состояние, а потом потерять его, где по ночам улицы заполняют воры и проститутки, а моряки напиваются в хлам, пытаясь забыть то, что делали и видели на Среднем пути¹.

Вот некоторые из героев, которые вам встретятся...

В Лондоне

Капитан Генри Коршэм (Гарри) – герой войны с политическими амбициями.

Каролина Коршэм (Каро) – жена Гарри, светская красавица.

Габриель Коршэм – маленький сын Гарри и Каро.

Таддеус Арчер (Тэд) – юрист и аболиционист, борец за отмену рабства. Старый друг Гарри.

Амелия Брэдстрит – сестра Тэда, вдова со скандальным прошлым.

Моисей Грэм – бывший раб. Джентльмен, художник-акварелист. Также писатель и борец за отмену работорговли. Друг Таддеуса Арчера.

Эфраим Прудлок – бывший раб. Помощник Моисея Грэма в вопросах искусства и аболиционизма. Также друг Таддеуса Арчера.

Сизар Джон – бывший раб, ставший преступником.

Джупитер – бывший раб. Член банды Сизара Джона.

Николас Кэвилл-Лоренс – заместитель министра по вопросам войны. Покровитель Гарри.

Напье Смит – владелец сахарных плантаций. Глава Вест-Индского лобби. Вероятно, богатейший человек в королевстве. Ему еще нет двадцати пяти лет.

Помфрет – дворецкий Гарри, бывший военный моряк.

Сэм – кучер Гарри.

Бронз – бывшая рабыня. Барменша в таверне «Йоркширское пиво».

В Дептфорде

Люций Стоукс – работорговец. Мэр Дептфорда.

Сципион – бывший раб. Секретарь Люция Стоукса.

Синнэмон – красивая мулатка, рабыня, принадлежащая Люцию Стоуксу.

Перегрин Чайлд – дептфордский магистрат².

Джон Манди – религиозный работорговец.

Элеонора Манди – его жена, мать двоих детей.

Эван Вогэн – капитан невольничьего корабля.

¹ Средний путь – маршрут работорговли из Африки в Вест-Индию. (Здесь и далее, если не указано иное, – прим. пер.)

² Магистрат – должностное лицо, осуществляющее правосудие.

Джеймс Брэбзон – хирург на невольничьем корабле.

Фрэнк Дрейк – помощник капитана на невольничьем корабле.

Дэниел Уотерман – юнга на невольничьем корабле.

Натаниель Гримшоу – молодой ночной сторож, который в ближайшее время должен занять место своего покойного отца в качестве помощника капитана на невольничьем корабле.

Мэрилин Гримшоу – мать Натаниеля, скорбящая вдова. Хозяйка таверны «Ноев ковчег».

Ямайка Мэри – бывшая рабыня, ставшая проституткой.

Элис – проститутка.

Авраам – лакей Люция Стоукса. Раб.

Исаак Фэйрвезер – моряк. Друг Фрэнка Дрейка.

Роузи и ее муж – владельцы постоялого двора на Дентфордском Бродвее.

Пролог

Причал в Дептфорде, июнь 1781 года

Густой низкий туман висел над Темзой. Он растекался над водой и по причалам, заполнял грязные дворы и узкие портовые переулки в нижней части Дептфорда. Местные называли такой туман дыханием дьявола. От него воняло вредными испарениями, поднимавшимися над грязной рекой.

Время от времени туман немного рассеивался, и Натаниель Гримшоу видел невольничьи корабли, стоявшие на якоре в Дептфорд-Рич³: призрачные линии мачт и снастей на фоне предрассветного неба. Его плащ потяжелел от влаги, а от парика из конского волоса воняло мокрым животным. Натаниель ходил здесь уже почти полчаса. Каждый раз, когда он поворачивался, Яго рычал. Черная шерсть собаки стояла дыбом, а глаза горели как два крошечных желтых фонаря в темноте.

Натаниель слышал, как разговаривают рыбаки, и чувствовал запах табака, который от них приносило ветром. Он и сам хотел выкурить трубку, но не был уверен, что сможет удержать ее в руке. Он не понимал, как они вообще могут стоять там, так близко. Из тумана выступила чья-то фигура, и Яго снова зарычал, но успокоился, узнав коренастого, почти квадратного дептфордского магистрата Перегрин Чайлда. Сонные глаза посмотрели на Натаниеля из-под мокрого длинного парика судьи.

– Что случилось, парень?

Натаниель повел его сквозь туман к стене, которая отделяла городские причалы от военно-морской верфи. Рыбаки расступились, чтобы их пропустить, и все они обернулись посмотреть, как реагирует Чайлд.

На причале возвышался трехметровый столб, завершавшийся железным крюком, на котором рыбаки любили вывешивать свой самый крупный улов. В последнее время на нем висела акула, которую вынесло на берег в прошлом месяце. Теперь акула исчезла, а ее место занял человек. Он был голым, тело покачивалось на ветру на веревке, продетой под мышками, его руки были связаны за спиной. Натаниель не любил вида крови, а тут ее было очень много – засохшая на груди и спине мертвеца, размазанная по бедрам, кровь в ушах, в носу, во рту. Натаниелю и раньше доводилось видеть убитых – выброшенных на участки берега, которые захватывает приливом, или оставленных в узких переулках в районе причалов и складов, где он работал ночным сторожем. Ни один из тех трупов не подготовил его к этому зрелищу. Это было больше, чем труп. Это было представление – что-то вроде человека без костей на Гринвичской ярмарке.

Натаниель собрал волю в кулак и снова осмотрел подвешенного на крюке мужчину. Ему было около тридцати лет, очень худой, с длинными черными волосами. Его глаза были широко открыты, они смотрели обвиняюще. Раскрытый рот застыл в гримасе ужаса, белая кожа была плотно натянута на острых скулах. Под первым ртом был второй: зияющая алая пасть там, где ему перерезали горло.

Чайлд шагнул вперед, его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от тела.

– Господи.

Он смотрел на участок тела чуть выше левого соска мертвеца. Глубокие ровные линии были выжжены на бледной безволосой коже. Плоть вокруг них сморщилась и покрылась волдырями. С того места, где Натаниель стоял, он смог различить рисунок: полумесяц, смотрящий рогами вниз, с венчающей его короной.

³ Дептфорд-Рич – колено реки, участок между двумя изгибами реки Темзы в Дептфорде.

– Это клеймо раба, – сказал Натаниель. – Кто-то клеймил его, как негра.

– Я знаю, что это такое. – Чайлд отступил назад, все еще глядя на тело.

Яго зарычал громче. Натаниель попытался его успокоить, но всей душой сочувствовал своему псу.

– Вы его узнали, сэр? Это тот джентльмен, Томас Валентайн. Вы же с ним раньше встречались, правда?

– Встречались. – Чайлд ответил таким резким тоном, что сразу же пресек любые обсуждения этой темы.

Натаниель украдкой наблюдал за магистратом, пытаясь понять, в каком тот настроении и не попал ли он сам под подозрение. Но, казалось, Чайлд вообще забыл, что Натаниель стоит рядом. Магистрат что-то буркнул себе под нос, Натаниель не смог разобрать слов, только почувствовал кислый запах бренди в холодном ночном воздухе.

– Сними его, – наконец приказал Чайлд. – Никому ни слова. Понял?

Натаниель подтянул один из старых ящиков для перевозки грузов к крюку и взобрался на него. Глаза мертвеца невидящим взором смотрели на неподвижные бурые воды реки. На участке между двумя изгибами Темзы поскрипывали невольничьи корабли, рыбаки мрачно бормотали молитвы. Повсюду клубилось, кружило и извивалось «дыхание дьявола».

Часть первая

21–24 июня 1781 года

Свободной (liber) называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. Необходимой (necessarius) же или, лучше сказать, принужденной (coactus) называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу.

Бenedикт Спиноза. «Этика», часть I «О Боге»

Глава первая

Самые худшие сюрпризы – это те, которые, как нам кажется, мы предвидим.

Амелия Брэдстрит появилась в моем лондонском доме в начале десятого, вечером 21 июня 1781 года. Я в это время играл с Габриелем, выстраивал свинцовых солдатиков рядами на турецком ковре в библиотеке, чтобы он мог сбить их палкой. Восторг, который испытывал мой маленький сын от этого простого занятия, был не меньше моего собственного, но в дверь постучали, и вся радость испарилась в одно мгновение. Неделью назад примерно в это же время ко мне в дом без приглашения заявился один молодой джентльмен, и я опасался, что тот неприятный тип пришел опять. Но постучавший в дверь библиотеки дворецкий быстро разуверил меня в этом.

– Вас хочет видеть дама, капитан Коршэм, – сообщил Помфрет, вручая мне визитную карточку на подносе.

– Миссис Брэдстрит, – прочитал я.

– Она говорит, что вы знали ее раньше как Амелию Арчер.

Я удивленно уставился на него. Сестра Тэда. В последний раз я видел ее, наверное, больше десяти лет назад. Я смутно помнил худенькую, напоминающую птичку девушку, культурную и начитанную, с такими же большими серыми глазами, как у брата, и бледной кожей. Я был в Америке, когда она покинула Англию, поэтому пропустил большую часть скандала, связанного с ее отъездом. Она вернулась в прошлом году после смерти мужа, и Каро твердо заявила мне, что нам не следует принимать ее. Насколько мне было известно, никто не приглашал ее к себе.

Я колебался, обдумывая мотивы Амелии. Ее прислал Тэд? Что ей нужно?

– Она приехала в наемном экипаже, сэр. Никаких слуг. Мне сказать ей, что вы неважно себя чувствуете?

Как и моя жена, Помфрет был ярым сторонником соблюдения приличий. Их обоих волновал не сам факт, а то, как все будет выглядеть. Одни называют это лицемерием, другие – обществом. Лично я видел людей, запутавшихся в собственных внутренностях, на полях сражений во время Американской революции⁴, и в сравнении с этим преступления в светских гостиных казались мне ничтожными. В тот момент у меня не было желания доставлять удовольствие своей жене. Называйте это моим личным актом протеста, если хотите.

– Проводите ее, пожалуйста, в гостиную, Помфрет.

⁴ Американская революция – колониальное восстание в период между 1765 и 1783 годами на территории британских колоний в Америке у нас принято называть Войной за независимость США. Но для англичанина Коршэма это революция, и в английской литературе до сих пор используется термин «Американская революция».

Я передал Габриеля в руки няньки, а сам подошел к зеркалу в холле, чтобы заново завязать галстук и поправить завитой парик. Затем я вошел в гостиную, где уже ждала Амелия Брэдстрит.

Она совсем не была похожа на вдову. Эта мысль первой ударила мне в голову. Она стояла в центре комнаты и оглядывалась – рассматривала мебель, серебро и портрет Каро кисти Томаса Гейнсборо над камином. Мой взгляд сразу же привлекло ее платье – обтягивающее, с оголенными плечами, насыщенного и яркого оттенка индиго. К нему она подобрала такого же цвета кашемировую шаль, расшитую золотыми цветами, и аметистовое ожерелье.

Она обернулась, и мы оценивающе оглядели друг друга. Я вспомнил, что Амелия на три года младше нас с Тэдом, соответственно, ей было двадцать семь лет.

– Капитан Коршэм, – произнесла она тихим голосом и протянула мне руку для поцелуя. – Сколько лет прошло со времени тех счастливых дней в Девоне! Надеюсь, вы простите мне вторжение в такой поздний час.

Ее глаза казались серебряными в свете свечей, а ее роскошные волосы – темно-каштановыми и блестящими. Она завila их и сделала высокую прическу, и я с восхищением смотрел на линии ее шеи и яркое сияние аметистов на фоне ее кожи. Черты лица были угловатыми: высокие скулы, острый подбородок, тонкий маленький носик. Когда она заговорила, я увидел маленькие белые зубки.

Я заметил и кое-что еще. Возбуждение – и в движениях, и в манере говорить. Бедность – в дешевых духах (тошнотворный запах жасмина) и потрепанных туфлях, выглядывавших из-под юбок. Наконец, я заметил стойкость в ее взгляде и осанке.

– Это никакое не вторжение, – ответил я. – Пожалуйста, присаживайтесь, миссис Брэдстрит. Не желаете ли выпить мадеры?

Пока мы ждали вино, она рассматривала портрет Гейнсборо.

– Каролины нет дома?

– Она в Карлайл-хаусе⁵, – с улыбкой успокоил я Амелию. – Играет в фараона⁶. Бросает вызов всем, кто подходит к карточному столу.

Она испытала явное облегчение, откинулась на спинку дивана и стала теребить пальцами рукава платья. В дверь постучал лакей, вошел и поставил поднос на столик. Я заметил, как он с головы до ног осмотрел миссис Брэдстрит, подавая ей вино. В его взгляде одновременно читались чисто мужской интерес и презрение.

– Вы продолжаете носить красный мундир⁷, – заметила она, когда дверь за лакеем закрылась. – Далеко не все мужчины это делают.

– Это не тщеславие. – У меня возникло необъяснимое желание оправдаться. – Военное министерство хочет, чтобы мы продолжали носить форму.

– Вы завоевали право носить ее, не правда ли? – Она серьезно посмотрела на меня. – Я читала о вас в газетах. Капитан Генри Коршэм, бич американских бунтовщиков. Говорят, что ваше имя известно даже королю.

– Преувеличивают, – ответил я.

Возникла неловкая пауза, и я снова попытался догадаться, зачем она пришла. Может, занять денег? Предъявить какие-то претензии на основании нашего давнего знакомства? Или Тэд надеется восстановить нашу дружбу? От этой мысли у меня возникло ощущение, будто

⁵ Карлайл-хаус – так назывались два особняка XVII века в Сохо. В романе речь идет об одном из них, арендованном во время действия книги артисткой и куртизанкой Терезой Корнелис, которая устраивала в нем сенсационные балы и маскарады.

⁶ Фараон – карточная игра, которая пользовалась огромной популярностью в конце XVIII – начале XIX века.

⁷ Красный мундир был формой британской армии (в настоящее время сохранилась только в качестве парадной) и стал символом не только вооруженных сил, но и военной мощи Британской империи. «Красный мундир» стал прозвищем британского солдата. Изначально цвет был выбран для облегчения командования своими – чем контрастнее форма противников, тем легче воевать. Ни у кого больше красных мундиров не было.

вши внезапно начали бегать по коже моей головы, и я мысленно стал подбирать слова для вежливого отказа.

Амелия наклонилась вперед, нахмутив брови:

– Надеюсь, я не поставила вас с Каролиной в неловкое положение, приехав сюда сегодня вечером, но у меня слишком срочное дело, чтобы излагать его в письме.

– Миссис Брэдстрит, простите за вопрос, но вы попали в беду? – нахмурившись, поинтересовался я.

– Нет, капитан Коршэм, но я боюсь, что в беду мог попасть Тэд.

– Понятно. – Я попытался скрыть свое беспокойство за раздражением. – Он в долговой тюрьме? Вам нужны деньги?

Мой тон заставил ее слегка побледнеть.

– Он пропал. Он приходил ко мне уже почти неделю назад – перед тем как уехать из города по делам. Он сказал, что заедет снова, когда вернется в Лондон, но так и не появился. Я отправилась в его квартиру, но его там нет. Привратник не видел его со дня отъезда из города. И никто другой его не видел.

– Когда он должен был вернуться?

– В четверг.

– Но прошло всего четыре дня, – заметил я. – Тэд всегда был не самым надежным парнем.

Она коснулась рукой ожерелья, и камни вспыхнули в свете свечей.

– Тэд сказал мне, что направляется в Дептфорд, – тихим голосом сообщила она. – Дептфорд – рабовладельческий город, не правда ли?

Тэд и рабство. Я помнил наши памфлеты, эссе и речи. Немодная тема аболиционизма когда-то воспламенила наши юные души. Нас чуть не выгнали из Оксфордского университета из-за этого. После возвращения с войны я обратил свое внимание на более традиционные политические вопросы, но Тэд с годами стал только злее и решительнее.

Я заговорил мягким тоном, чтобы успокоить ее и успокоиться самому:

– Я уверен, что нет причин для чрезмерного беспокойства. Может, в Дептфорде и не любят аболиционистов, но самое худшее, что они могут сделать, – это выслать его из города.

Амелия молчала какое-то время.

– Я беспокоюсь о нем. Дело не только в Дептфорде. Тэд впутался в какое-то опасное дело. Он сказал мне, что нажил себе могущественных врагов.

– Он всегда был склонен к преувеличениям. А врагов он видел повсюду.

– Но это не означает, что их нет. Он боялся. Я видела это... – Амелия запнулась. – Он говорил, что за ним следят, а в Дептфорде его даже пытались убить. Я предложила ему обратиться к властям, но он заявил, что все они заодно с работоторговцами.

«Ты знаешь, что представляет собой Тэд», – сказал я сам себе. Его, вероятно, посадили в Дептфордский дом предварительного заключения⁸ из-за долгов, или он скрывается от своих кредиторов в Лондоне. Но одновременно с этими циничными мыслями во мне рос комок страха. А что, если кто-то на самом деле пытался его убить? А если этот человек предпринял еще одну попытку и она оказалась успешной?

– Он говорил что-то еще про этих могущественных врагов?

– Он говорил, что не оставит в покое работоторговцев. Что сожжет их дотла.

– Предполагаю, что метафорически?

Хотя с Тэдом никогда нельзя было быть ни в чем уверенным.

– Думаю, да. Он заявил, что после того, как покончит с ними, работоторговля никогда больше не восстановится.

⁸ Дом предварительного заключения (*ист.*) – еще не долговая тюрьма, а место, где держали должников, чтобы дать возможность договориться с кредиторами.

Я не улыбнулся, хотя мог бы при других обстоятельствах. Именно такие вещи мы обычно и говорили, когда учились в Оксфорде. «Мы покончим с детским трудом. Покончим с травлей медведей. Покончим с рабством». Детские мечты, столь же нереальные, сколь и похвальные.

Амелия ждала моего ответа, а когда я ничего не сказал, снова заговорила сама:

– Я сказала ему, что это смехотворно. В торговле африканцами крутятся многие миллионы фунтов стерлингов. Она охватывает три континента. Как один человек может надеяться положить этому конец?

– И что он ответил?

– Только что он собирается в Дептфорд – забрать что-то, что хотели бы заполучить его враги, что-то, что он сможет использовать против работорговцев. И что, если с ним что-то случится, пока он там, я должна отправиться к Гарри Коршэму. Он сказал: вы поймете, что нужно делать.

– Он так сказал? – Я удивленно уставился на нее. – Я не видел его больше трех лет.

– Я думаю, что вы единственный человек, кому он на самом деле доверяет. – Она удерживала мой взгляд, не опуская серых глаз, которые были так похожи на глаза Тэда. – Я не стану притворяться, что понимаю, из-за чего произошел разрыв между вами, капитан Коршэм, и моим братом. Но ведь когда-то он был вашим лучшим другом на свете. Вы съездите в Дептфорд и попыдаете его найти?

Я все еще колебался. У меня не было желания снова видеть Тэда и беречь старые раны. Но как я мог не поехать?

– Конечно, съезжу. Прямо завтра с утра. А пока постарайтесь не волноваться.

Ее глаза горели, ее явно переполняли эмоции, но я не нуждался в ее благодарности. Мне нужно было только удостовериться, что Тэд в безопасности. На мгновение представив, что его больше нет, я ощутил холод во всем теле, словно превратился в мрамор из могильного склепа. Словно тень упала на мою душу.

Глава вторая

Я спал урывками и проснулся раньше шести. Больше часа я просто лежал, размышляя о вчерашнем визите Амелии. Я много раз повторял себе, что мои вчерашние страхи не имеют никаких оснований. К тому времени, как я умылся и оделся, мне удалось убедить себя, что я найду Тэда в Дептфорде, упорно пытающегося изменить мир и совершенно не беспокоящегося о том, сколько проблем создал.

Дверь в спальню Каро была закрыта. Я слышал, как она вернулась прошлой ночью где-то около трех, и решил ее не будить. Я спустился вниз и попросил Помфрета, чтобы велел Сэму готовить мою карету. В библиотеке я быстро написал записку Николасу Кэвилл-Лоренсу, *заместителю министра по вопросам войны*, в которой объяснил, что вынужден уехать из Лондона по срочному делу. Я вернулся домой из Америки с инвалидностью, и меня прикрепили к Военному министерству. Вскоре мне предстояло стать членом парламента. Я хотел добиться там перемен, хотя все фракции, комитеты и административный лабиринт все сильнее утомляли меня. Я сказал себе, что денек вдали от интриг Уайтхолла⁹ пойдет мне только на пользу.

Я отдал записку одному из лакеев и отправил его вручать ее адресату, а сам пошел завтракать с Габриелем в детскую. Мы строили замки из кеджери¹⁰, которые штурмовали с помощью солдат, сделанных из тостов. Смех моего сына помогал избавиться от всех тревог, и из дома я уезжал сильно воспрявшим духом.

Сэм поехал по дороге на юг, через Лондонский мост. Улицы кишели повозками, каретами и двуколками. Возничие курили, ругались или щелкали кнутами, чтобы испугать лошадей своих конкурентов на дороге. Мы медленно продвигались вперед, нас задерживали тачечники и фермеры, которые гнали овец и коров на Смитфилдский рынок. В окрестностях Саутуарка здания покрывали строительные леса, а по ним, словно муравьи, сновали рабочие. Лондон поглощал сельскую местность во всех направлениях. Наконец оживленное движение и суэта остались позади. Правда, колеса протестующе заскрипели, когда сменился грунт и лошади набрали скорость. Я устроился поудобнее в ритмично покачивающейся карете.

Я никогда раньше не бывал в Дептфорде, хотя знал Гринвич, который находился немного дальше по берегу реки. Тем не менее благодаря своей работе в министерстве я знал, что город фактически состоит из двух отдельных поселений, которые соединяются дорогой, проходящей через открытое поле. Городское купечество жило на Дептфордском Бродвее, недалеко от платного моста, где дорога Олд-Кент-роад пересекала Дептфорд-Крик¹¹. Дептфорд-Стрэнд¹² находился в полутора километрах к северу, у берегов Темзы. Там располагались городские и частные причалы и верфи, военно-морская верфь, а также дома рабочих.

Примерно через час после выезда из дома в Мейфэре мы оказались на Дептфордском Бродвее. Я увидел большие каменные дома и целую улицу роскошных магазинов со стеклянными витринами. Дамы с зонтиками и джентльмены прогуливались на солнышке в сопровождении маленьких чернокожих пажей и возвышающихся над своими хозяевами лакеев-африканцев. Я намеревался найти городского магистрата, который лучше всех должен был бы знать, что иногородний джентльмен заболел или как-то пострадал в Дептфорде. Я велел Сэму заехать на постоянный двор, где узнал, что нужного мне человека зовут Перегрин Чайлд. Мне сооб-

⁹ Уайтхолл – улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства. Ведет от здания Британского парламента к Трафальгарской площади.

¹⁰ Кеджери – индийское блюдо: жаркое из риса, рыбы и порошка карри.

¹¹ Дептфорд-Крик – рукав реки Темзы в Дептфорде.

¹² Дептфорд-Стрэнд – прибрежная полоса.

щили, что в этот час он находится на Дептфорд-Стрэнде, разбирается со всеми преступлениями, которые там совершили за ночь.

Вскоре благородство Бродвея осталось лишь в воспоминаниях, и мы мчались по ухабистой грунтовой дороге к Темзе. Карету все время потряхивало, внутрь проникал ядовитый воздух: смола и сера, запахи от печей для обжига кирпича и кожевенных мастерских, вонь скотобойни и помоев, сливаемых в реку. Чем сильнее мы удалялись от Лондона, тем сильнее становились мои опасения по поводу новой встречи с Тэдом. Теперь они камнем застряли у меня в глотке. Почему, черт его побери, он велел Амелии меня найти? После возвращения из Америки я видел его всего один раз, больше трех лет назад, и воспоминания об этой встрече до сих пор вызвали у меня угрызения совести. Я сожалел, что принес ему боль тогда, но не хотел менять свое решение. Наше прошлое было темным и опасным.

Через несколько минут мы заехали на Дептфорд-Стрэнд под цокот копыт, миновали потемневшие и закоптелые кирпичные дома и большую церковь со стенами из мелкозернистого песчаника. Раненая нога затекла после путешествия, и мне хотелось пройтись. Я постучал по крыше, и мы остановились у огромного поля, покрытого грязью. Оно, похоже, считалось общинной землей, на которой коренные жители имели право пасти скот и заготавливать сено. Этот унылый участок земли окружали неровные ряды домов и магазинов, с нескольких прилавков, стоявших в грязи, продавали рыбу. Сэм слез с козел и поставил лесенку, чтобы я мог спуститься.

– Пропусти стаканчик в какой-нибудь таверне, – сказал я ему. – Но возвращайся к полудню.

У Сэма на выбор было много таверн. Мужчины уже шли по улице шатаясь, хотя еще не пробило и одиннадцати. Многие были одеты в матросские куртки и брюки и имели походку, которая появляется у мужчин после долгих лет, проведенных в море.

Многочисленные проститутки искали клиентов, и я стал магнитом, притянувшим их внимание, пока шел в направлении реки.

– Какая великолепная оливковая кожа. – Одна стареющая Далила коснулась моего лица. – Нежные карие глаза, как у моей дочери. Я унесу тебя в рай, мой красавчик-офицер.

Оглядываясь на лавки старьевщиков, ростовщиков, изможденных и грязных проституток, я пытался представить другие, далекие места. Я высвободился из объятий проститутки, дал ей пенни и спросил, как пройти к дептфордскому сторожевому дому.

– Ищешь Перри Чайлда? – спросила она, показывая мне почерневшие зубы. – Он сейчас завтракает. Попробуй зайти в «Ноев ковчег».

Заведение оказалось старой фахверковой гостиницей на северо-западном углу Дептфорд-Грин¹³. Ее верхние этажи так нависали над булыжниками мостовой, что у меня возникли опасения, не рухнет ли на меня все здание. Дальше дорога вела к Темзе, и я остановился, чтобы полюбоваться широким коричневым изгибом реки. У причалов стояли суда всевозможных размеров, на фоне безоблачного неба покачивался целый лес мачт.

Около дюжины мужчин сидели и выпивали в обеденном зале; когда я вошел, все они обернулись. В зале пахло жареной рыбой, кроме разговоров слышался стук бросаемых костей. Молодой человек в парике из конского волоса стоял за барной стойкой и мыл высокие пивные кружки. Я подошел к нему и попросил показать мне Перегрину Чайлда. Он кивнул на одну из кабинок в обеденном зале таверны, где в одиночестве сидел мужчина средних лет.

– Мистер Чайлд? – Мужчина поднял глаза от пирога с рыбой. – Капитан Генри Коршэм. – Я поклонился, он только коротко кивнул мне. – Простите, что прерываю ваш завтрак, но мне нужно, чтобы вы уделите мне несколько минут вашего времени.

¹³ Дептфорд-Грин – общинные земли, на которых жители города имеют право пасти скот и заготавливать сено. Как правило, «Грин» – это огромный луг.

Чайлд скептически осмотрел мою форму: от черной двуголки до кожаных сапог, между ними отметив красный мундир, бриджи из буйволовой кожи и шелковые чулки.

– По какому вопросу? – спросил он с набитым ртом. Говорил он с местным акцентом, благородных ноток в голосе не слышалось, и он не пытался это скрыть.

– Пропал мой друг. Считается, что он отправился в Дептфорд. Мне хотелось бы, чтобы вы помогли мне его найти.

На Чайлде был потрепанный синий сюртук, галстук оказался заляпан жиром. Я дал бы ему лет сорок пять, хотя из-за его двойного подбородка и парадного парика сложно было сказать точно.

Его маленькие, как черные пуговики, глаза явно все быстро замечали, рот был маленьким, на губах часто играла циничная улыбка, нос картошкой украшал филигранный рисунок из лопнувших капилляров. У его локтя стояла почти пустая бутылка красного вина.

Он подавил вздох и жестом предложил мне сесть напротив.

– Фамилия вашего друга?

– Его зовут Таддеус Арчер, хотя большинство людей зовут его просто Тэд. Ему тридцать лет, и он приехал сюда из Лондона.

– Джентльмен?

– Адвокат. Линкольнс-Инн¹⁴.

– Ох уж эти адвокаты. Мой отец говорил, что они отправлены на землю, чтобы сборщики налогов на их фоне казались хорошими. Я никогда не слышал про вашего друга, капитан. Мне очень жаль.

– Мистер Арчер должен был вернуться домой еще пять дней назад, – настаивал я. – Но никто его не видел после отъезда из Лондона. Его сестра беспокоится о... – Я запнулся, когда он стал заталкивать в рот очередной кусок пирога. – Может, мне подождать, пока вы закончите завтрак, сэр, и тогда я провожу вас до сторожевого дома? Тогда вы сможете что-то записать.

Чайлд постучал по своей голове зубчиками вилки:

– Заверяю вас, сэр, все останется здесь. Адвокат. Арчер. Сестра. Продолжайте.

Я нашел манеры Чайлда такими же грубыми, как и его костюм, но сдержал свое нетерпение.

– Как я уже говорил, сестра мистера Арчера беспокоится о нем.

Чайлд сделал большой глоток вина.

– Послушайте, я хотел бы вам помочь, сэр, но к нам в Дептфорд приезжает много людей. Приезжают, уезжают, происходят несчастные случаи. Мужчины напиваются, падают в реку, иногда кто-то помогает им упасть. В конце концов их выбрасывает на берег, река отдает их, хотя часто к тому времени от них мало что остается. Если это случилось с вашим другом, могут пройти недели, прежде чем мы найдем его.

Было очевидно, что мистер Чайлд невзлюбил меня, вероятно, из-за моего внешнего вида и моей классовой принадлежности. Может, еще я не понравился ему, потому что я военный. Я знал, что между городом и военно-морской верфью напряженные отношения. Пришло время забыть о хороших манерах.

– В вашем городе, за порядком в котором вы обязаны следить, сэр, пропал джентльмен. У меня нет желания создавать вам проблемы в Уайтхолле, но, поверьте, я сделаю это, если вы мне не поможете.

Наконец Чайлд оторвался от завтрака и поднял голову:

– Значит, Уайтхолл, сэр?

¹⁴ Линкольнс-Инн – один из четырех судебных иннов. Инны – традиционная форма самоорганизации адвокатского сообщества в Англии и Уэльсе. Каждый адвокат должен вступить в одну из четырех юридических корпораций (или палат). Территориально расположены в центре Лондона.

– Да, я приписан к Военному министерству. – Я вручил ему свою визитку. – Так что, сэр? Друзья или враги?

Чайлд облизнул губы языком, только что смоченным вином, и гневно уставился на мою визитку.

– Вы знаете, зачем ваш друг сюда приезжал? По делам? Многие лондонские юристы ведут дела торговцев и оптовиков с Дептфорд-Стрэнда.

– Я не думаю, что его визит был связан с решением каких-то юридических вопросов. Мистер Арчер также интересуется политикой и придерживается радикальных взглядов. Отмена рабства – одна из главных проблем, которыми он занимается.

Я ожидал, что враждебность мистера Чайлда только усилится – я вполне мог представить, какого он мнения об аболиционистах. Тем не менее, когда он заговорил, в его голосе появилась скорее не злоба, а настойчивость.

– Опишите его, пожалуйста, капитан, – попросил Перегрин Чайлд. Он сидел напрягшись, его взгляд чуть ли не прожигал во мне дыру. Меня встревожила эта внезапная перемена, и дурное предчувствие холодком пробежало по моей коже.

– Рост сто семьдесят сантиметров. Очень худой, бледный. Длинные черные волосы. Люди запомнили бы его – они всегда запоминают. Одевается как адвокат, но говорит как священник.

– Подходящее описание, – печально произнес Чайлд.

– Подходящее? – Я нахмурился: – Вы же вроде бы говорили, что не знаете его.

– *Mutato nomine de te fibula narrator*. Басня сказывается о тебе, изменено только имя. – Чайлд отодвинул тарелку и вытер рот салфеткой. – Капитан Коршэм, вам лучше пройти со мной.

Глава третья

Под простыней лежало что-то, по размеру и форме напоминающее человека. Ростом с Тэда. С фигурой как у Тэда. Я почувствовал вкус горечи во рту. Перегрин Чайлд что-то говорил, но я почти ничего не слышал.

– Наш труп называл себя Томасом Валентайном, и это был не первый его визит в город. Мы нашли его четыре дня назад на причале. Я связывался с лондонскими магистратами, пытался найти его родственников. Если Валентайн – вымышленная фамилия, это объяснило бы, почему я никого не нашел.

Мы вернулись на Дептфордский Бродвей, в дом, где на первом этаже была аптекарская лавка, а на втором этаже жил и принимал пациентов хирург¹⁵ Джеймс Брэбэзон. В комнате было много полок со стеклянными бутылочками и баночками, деревянных стоек для пил, ножей и ножниц. В воздухе висела ужасная вонь – смесь запахов разложения и гниения, пережаренной дичи и одеколона хирурга. Все это я отмечал вскользь, а сам смотрел только на то, что лежало на столе.

– Как я уже сказал, описание подходит, – снова заговорил Чайлд. – Но, может, вы предпочтете позвать кого-то? Может, слугу, который его знал? Тело не в самом лучшем состоянии. Это вам не венок из роз.

Я поднял голову:

– А я не цветочница. Пожалуйста, продолжайте.

Чайлд кивнул Брэбэзону, и тот поднял простыню.

У меня все поплыло перед глазами. Я стоял неподвижно, пытаюсь принять этот удар. Я ожидал этого, но меня все равно будто переехало упряжкой волов. Тонкие черты лица Тэда распухли, но все же оставались мучительно узнаваемыми. Мой взгляд скользнул по его шее, по зияющей в ней дыре, бесчисленным порезам и ссадинам на теле. Все эти раны казались нереальными, как картина с изображением замученного пытками святого.

Я тупо смотрел на Тэда, желая вернуть жизнь в его тело. Я хотел рухнуть на колени и молиться Богу, в существовании которого больше не был уверен. Я слышал звон в ушах, что иногда случалось из-за стресса. Мои уши пострадали во время битвы при Банкер-Хилле¹⁶, где совсем рядом со мной была артиллерийская пушка.

– Это он, – услышал я свой собственный голос. – Это Таддеус Арчер.

Брэбэзон сочувственно улыбнулся мне. У него было худое узкое лицо, длинные темно-каштановые волосы он связывал сзади в хвост лентой. Поражали глаза: один голубой, второй карий. И оба с беспокойством смотрели на меня.

– Давно вы были знакомы, капитан Коршэм? – спросил он мягким голосом с шотландским акцентом.

– Больше десяти лет. Вместе учились в Оксфорде. – Мне казалось, что голос звучит откуда-то издалека и не похож на мой собственный.

– Он умер от того, что ему перерезали горло, – сообщил Брэбэзон. – По крайней мере, в конце все произошло милосердно быстро.

– Брэбэзон считает, что он умер незадолго до того, как мы его нашли, – пояснил Чайлд. – Ранним утром 18 июня.

¹⁵ До XIX века хирург в Англии не считался «доктором», то есть не признавался как врач. У «врача» должно было быть университетское образование, а «хирург» обучался специальности, работая ассистентом практикующего хирурга. Им запрещалось переступать границы своего ремесла, выписывать рецепты и выполнять врачебные манипуляции.

¹⁶ Битва при Банкер-Хилле – первое крупное сражение между английскими и американскими войсками, произошло 17 июня 1775 года во время Войны за независимость.

– Об этом свидетельствует *rigor mortis*¹⁷. – Брэбзон внимательно посмотрел на меня: – Капитан, не хотите ли присесть?

Прошлой ночью, представляя самое худшее, я предполагал, что Тэд умер, но не мог и подумать о таком варварстве, о такой жестокости.

– Боже праведный, его же пытали. – Я смотрел на гротескную метку у Тэда на груди. Кожа была обожжена, и на теле остался рисунок: полумесяц, перевернутый так, что рога указывали на юг, и линия с остриями наподобие короны. – Что это за дьявольщина?

– Тот, кто его убил, посчитал нужным клеймить его как негра, – пояснил Брэбзон. – Это невероятно. Я никогда не видел ничего подобного.

– Переверни его, – приказал Чайлд.

Я сглотнул, увидев, в каком ужасном состоянии была спина Тэда.

– Это следы кнута, – пояснил Брэбзон. – Я бы сказал, пятьдесят ударов. Вероятно, его для этого привязывали к столбу. На запястьях и лодыжках остались следы веревок.

– Покажи ему руки, – сказал Чайлд.

Я уже заметил их. Как я мог не заметить? Они чудовищно распухли – костяшки приобрели пурпурный цвет и раздулись, некоторые пальцы торчали под странными углами.

– Боюсь, тут использовали тиски для пальцев, – сказал Брэбзон.

– Тиски для пальцев? – переспросил я, в ужасе глядя на него. – Где в наше время можно вообще раздобыть эту вещь?

– О, они регулярно используются на невольничьих кораблях. Конечно, это неприятный аспект этого бизнеса, но иногда их применение необходимо. Например, если возникает подозрение, что негры готовят восстание, тиски для пальцев могут заставить их заговорить. Я раз в два года вербуюсь на невольничий корабль хирургом, и мне самому приходилось использовать такие тиски. Травмы мистера Арчера однозначно говорят об их применении.

Боже праведный. Что за люди. Что за город.

– Как я вам уже говорил, это был не первый раз, когда человек, которого мы знали как Валентайна, приехал в Дептфорд, – снова обратился ко мне Чайлд. – Мне самому приходилось иметь с ним дело. Он докучал одному из наших работорговцев, проживающему здесь, на Бродвее, и пытался взбаламутить местных негров. Я посоветовал ему убраться из города и не возвращаться. – Чайлд встал над трупом и показывал на следы на теле Тэда, пока говорил: – Кнут. Клеймо. Тиски для пальцев. Так наказывают рабов. Ваш друг приехал сюда в поисках неприятностей на свою голову, и он их получил.

Брэбзон снова перевернул Тэда на спину и отступил назад. Я знал, что эта сцена останется в моей памяти навсегда.

– Вы уже арестовали того, кто это сделал?

– Пока нет, – ответил Чайлд.

– А что вы делаете, чтобы найти его?

– То, что обычно делаю, когда у меня есть труп и нет свидетелей. Предлагаю награду и жду, не придет ли кто-нибудь за ней.

– В Лондоне многие магистраты тоже расследуют преступления.

Чайлд спокойно посмотрел мне прямо в глаза:

– Это не Лондон.

Мой взгляд все время возвращался к клейму на груди Тэда, я представлял, какой был запах, когда кожи касалось раскаленное железо, и как он кричал.

– Если убийца знает, как наказывают рабов, разве не разумно предположить, что он связан с работорговлей?

¹⁷ *Rigor mortis* – трупное окоченение (лат.).

– Несомненно, связан, но половина мужчин в этом городе в то или иное время работала на невольничьих судах. Это почти три тысячи подозреваемых. Я поспрашивал в тавернах, где бывают моряки с таких кораблей, но никаких ответов не нашел. Да и не ожидал. Работоторговцы и все в этом бизнесе своих не выдают.

– А клеймо? Рисунок весьма своеобразный, не правда ли?

Брэбэзон стоял спиной к нам, чистил какой-то аппарат. Теперь он повернулся и сказал:

– В Дептфорде можно найти бессчетное количество таких старых штуквин, которыми клеймили рабов, сэр. Я бы не стал рассчитывать на это.

– Насколько я понимаю ситуацию, ваш друг начал спор о рабстве не с тем человеком, – сказал Чайлд. – За ним последовали в какое-то тихое место, где убийца напал на него. Злодей поразвлекался... – Чайлд схватил себя за указательный палец и сделал резкое выворачивающее движение. – А когда ему это наскучило, он перерезал мистеру Арчеру горло.

– Вы же не думаете, что его замучили до смерти из-за политических разногласий?

– А из-за чего еще?

В комнате воцарилась странная тишина. Оба мужчины повернулись ко мне, ожидая моего ответа.

– Мистер Арчер сказал своей сестре, что за ним следят. Что в Дептфорде его пытались убить. Может, именно поэтому он использовал вымышленное имя – потому что боялся за свою жизнь?

– Он говорил что-то еще про человека, который пытался его убить?

– Только что у него могущественные враги. Я думаю, работоторговцы. Арчер был участником какого-то заговора с целью покончить с торговлей африканцами.

Это звучало глупо, и все же я не мог не брать во внимание доказательства, которые видел собственными глазами. Тэд говорил, что кто-то хотел его смерти, и вот теперь он был мертв.

– Покончить с работоторговлей, сэр? – Чайлд вопросительно приподнял брови. – А как именно он собирался это сделать?

Я нахмурился, пытаясь вспомнить, что говорила мне Амелия. Мне нужно было снова увидеться с ней.

– Он сказал, что отправляется сюда забрать что-то, что хотели бы заполучить его враги. Я снова почувствовал их интерес.

– А какого рода это «что-то»? – уточнил Чайлд.

– Понятия не имею.

– Я не нашел ничего необычного в его номере в «Ноевом ковчеге».

– А где его вещи? Я хотел бы сам осмотреть их.

Чайлд поколебался.

– Дома у мэра, – наконец ответил он.

– Зачем они мэру?

– В его городе убили джентльмена. Мистер Стоукс проявляет интерес.

– В таком случае мне надо будет увидеться с мистером Стоуксом.

– Если вы считаете это необходимым. Я сам против всяких заговоров. Мой девиз – бритва Оккама. *Lex Parsimoniae*¹⁸. Дайте мне два объяснения, одно простое, одно сложное, и я в любом случае выберу простой ответ. – Чайлд показал на труп: – Накрой его, Брэбэзон. Мы закончили.

Щурясь, я уставился на яркий солнечный луч, который проникал в открытое окно. Меня больше не было в этой комнате, рядом с изуродованным трупом на столе. Я шел по берегу

¹⁸ *Lex Parsimoniae* – бритва Оккама (*лат.*) – методологический принцип «Не следует множить сущее без необходимости», назван в честь английского монаха-францисканца, который писал: «Что может быть сделано на основе меньшего числа предположений, не следует делать, исходя из большего».

реки Черуэлл ясным сентябрьским утром двенадцать лет назад. Я повернул вдоль изгиба реки – и увидел его.

Мы никогда раньше не разговаривали, хотя я часто видел его в Уодхэм-колледже, где он уже заработал репутацию эксцентричного типа. Я подумал, что этот невысокий худой молодой человек весит гораздо меньше, чем большой мешок, который он пытается поднять. Он был одет во все черное, но на нем не было ни шляпы, ни парика. Позже я обнаружил, что он потерял шляпу в винной лавке, а парики никогда не носил, потому что считал их недемократичными. Его волосы были стянуты назад и заплетены в косу, один черный локон падал на глаз. Выраженные скулы, бледная кожа, широкий рот и большие серые глаза. Скорее не студент, а поэт-романтик, пришедший на дуэль.

Молодой человек запустил обе руки в мешок, достал две пригоршни белого порошка и бросил в воду, как крестьянин из притчи. Он повторил это несколько раз, и я решил, что он пытается разгрузить мешок, чтобы суметь поднять его. Я стоял и наблюдал, прикрывая глаза от бликов солнечного света на поверхности воды, пока Тэд случайно не поднял голову и не заметил меня.

– Вест-Индский сахар! – крикнул он в качестве объяснения. – Вчера его намололи на месяц вперед для выпечки. А вечером я украл его с кухни колледжа – он испачкан кровью африканских рабов.

– Тогда река – лучшее место для него, – улыбнулся я, и Тэд улыбнулся в ответ.

– Я искал тебя, – сказал я, когда Тэд продолжил выбрасывать сахар в реку. – Это насчет того, что ты говорил про рабство вчера вечером в трапезной. Я согласен с каждым словом. Торговля африканцами – это отвратительно. Язва на теле политики.

Выражение его лица стало более мрачным.

– Тот работороговец, который сидел за столом декана, ушел, не сделав пожертвования. Боюсь, ректор меня отчислит.

– Я поддержу тебя, если хочешь, и выступлю против декана и ректора, – сказал я, повышая голос и становясь смелее. – Они не могут отчислить нас обоих за то, что у нас есть свое мнение.

Тэд сделал перерыв, чтобы передохнуть, и осмотрел меня с головы до ног, и его лицо снова озарила широкая улыбка.

– Кажется, Господь послал мне Геракла, чтобы помочь поднять этот мешок. Не стой там и не смотри на меня просто так. Иди сюда и помоги.

Это было начало. А теперь пришел конец.

Глава четвертая

Брэбэзон проводил нас вниз по лестнице до выхода на улицу. Я чувствовал боль в груди, которая не появлялась со дня смерти моей матери. Я хотел отмотать время назад. То время, которое я провел в Америке, когда нас с Тэдом разделял океан. Годы в Лондоне, когда мы жили так близко, но как чужие люди.

Брэбэзон отодвинул засовы и открыл дверь, чтобы выпустить нас, но тут же отпрянул и раздраженно воскликнул:

– Простите, джентльмены, у меня под дверью лежит мертвая птица. Будьте осторожны и не наступите на нее.

Мы последовали его совету, и я увидел, что под дверью лежит белый голубь с распростертыми крыльями, словно он куда-то летит после смерти. Ему вспороли живот, а внутренности растянули вокруг тушки, почти образуя круг. Даже мне в моем состоянии было понятно, что птицу здесь оставил не мохнатый и не пернатый хищник, но, скорее всего, человеческая рука.

Чайлд с Брэбэзоном посмотрели друг на друга и оглядели улицу в обе стороны. Мальчик подгонял гусей палкой. Три юные леди хихикали над шляпкой перед витриной магазина. Мимо прошли двое чернокожих лакеев, увлеченных разговором. Брэбэзон ногой отпихнул птицу в сторону и крикнул своего слугу, чтобы тот убрал ее. Он еще раз извинился, мы поклонились друг другу, и мы с Чайлдом ушли.

Моя карета стояла перед постоялым двором, где Сэм, несомненно, еще раз утолил жажду. Чайлд объяснил ему, как проехать к дому мэра, и мы с магистратом забрались внутрь. Я смотрел из окна кареты, как мимо проносится мир, в котором больше нет Тэда.

* * *

Мэр жил в окрестностях Дептфордского Бродвея, в белой вилле в итальянском стиле, окруженной пышными садами. Седой привратник-африканец открыл нам ворота, и лошади побежали по дорожке к поворотному кругу, мелкие камушки хрустели под их копытами. Перед домом бил фонтан.

Чернокожий слуга в лакейской ливрее встретил нас у дверей. Это был высокий коренастый мужчина с глазами навывкате и когда-то сломанным носом. Похоже, он хорошо знал Чайлда. Нас ненадолго оставили ждать в прихожей и затем пригласили в просторную гостиную со стеклянными дверьми, ведущими в сад. В шкафчиках в китайском стиле была выставлена коллекция изделий из слоновой кости и нефрита, но мое внимание в первую очередь привлекла лепнина на потолке. Вместо резных листьев или какого-то еще привычного декоративного мотива карниз был украшен лепными головами покорных африканцев.

Чайлд представил нас друг другу. Мэр, Люций Стоукс, был человеком из поколения моего отца и во многом напоминал его. Это был симпатичный высокий мужчина с волевым подбородком и аристократической внешностью, в расшитом серебряной нитью черном бархатном камзоле, с небрежно завязанным галстуком цвета индиго. Он пудрил собственные коротко подстриженные волосы, бакенбарды скрывали уши – так считалось модным у молодежи. В отличие от моего отца, чье состояние выдавала дрожь руки при рукопожатии, Стоукс крепко пожал мне руку и улыбнулся так, как улыбаются политики. Рядом с ним на диване сидела очень красивая мулатка.

– Чаю, джентльмены? Распорядись, Авраам.

Я поклонился женщине, не зная, какое положение она занимает в этом доме. Ее блестящие черные волосы были высоко уложены и заколоты наподобие того, как делают английские

леди. Одетая она тоже была как знатная англичанка – в приталенное шелковое платье канареечного цвета с низким вырезом. Мой поклон вызвал легкую улыбку у мэра Стоукса.

– Капитан Коршэм приехал по поводу убийства Валентайна, – сообщил Чайлд.

Я уловил движение в углу гостиной и только теперь заметил еще одного африканца, который сидел за секретарским письменным столом и что-то писал. Он был одет как джентльмен, на голове – парик из конского волоса. На вид он был примерно мой ровесник. Перо, которое он держал в руке, замерло над страницей, и он смотрел на меня со странной напряженностью во взгляде.

Чайлд объяснил Стоуксу, что мужчина, который приехал в Дептфорд под фамилией Валентайн, был опознан как лондонский адвокат Таддеус Арчер.

– Капитан Коршэм был его другом. – Чайлд вручил Стоуксу мою визитку.

– Скорбное дело. – Стоукс с сожалением улыбнулся. От него легко пахло цибетином и вирджинским табаком. – Когда Валентайн впервые приехал сюда, мне говорили, что его следует выслать из города. Учитывая все случившееся, возможно, это было бы лучшим решением. Тем не менее я горжусь тем, что Дептфорд – либеральный и толерантный город. Каждый человек имеет право высказать здесь свое мнение, даже аболиционист.

– Очевидно, не все придерживались той же точки зрения, – сказал я.

– Да, это так, и я очень сожалею о случившемся. Тем не менее ваш друг – мистер Арчер, правильно? – в некотором роде тоже виноват в случившемся. Приехать в рабовладельческий город и кричать там об освобождении рабов – это все равно что забраться в медвежью берлогу и тыкать в медведя палкой. Разумный человек так не поступит. Мистер Чайлд пытался предупредить его, когда мистер Арчер в первый раз нажил себе здесь неприятности. Если бы он его послушался, то мог бы остаться в живых.

– О какой неприятности идет речь?

Я почувствовал, что Чайлд не хочет говорить об этом.

– Примерно месяц назад ваш друг подрался с одним моряком с рабовладельческого корабля в районе причала.

– Возможно, это была та попытка убить его, о которой он говорил.

Чайлд отмахнулся от моего предположения:

– Небольшая стычка, вот и все.

– Этот моряк в списке подозреваемых?

– У него есть алиби. Надежное. Я проверил.

Женщина встала с дивана, пересекла комнату и выглянула в сад. Все присутствовавшие мужчины, даже чернокожий джентльмен за письменным столом, повернулись, чтобы посмотреть, как она идет. Она была гораздо моложе, чем мне сначала показалось, может, лет шестнадцати. Кожа медового цвета, в чертах лица – прекрасная смесь Европы и Африки. Когда она шла, казалось, будто солнечный свет скользит по паркетному полу.

Авраам, коренастый лакей, вернулся с подносом, на котором стояли чайные принадлежности. Я с благодарностью улыбнулся, когда он налил мне чашку. Он встретился со мной взглядом – его глаза были пустыми и смотрели враждебно. Я не мог заставить себя положить в чай сахар – я слишком хорошо помнил Тэда на реке, да и горечь чайных листьев очень хорошо сочеталась с моей печалью и чувством вины.

– Мистер Стоукс, может, мы поговорим о расследовании, которое проводит мистер Чайлд? – Или не проводит, подумалось мне. – Мне кажется, что более активные следственные действия, менее зависящие от получения информации за вознаграждение, скорее помогут поймать убийцу.

– У мистера Чайлда нет ресурсов, которые имеются в распоряжении у магистратов в Лондоне, – твердым голосом объявил Стоукс. – Я уверен, что он делает все возможное в сложившейся ситуации.

– Нужно сделать больше. Это не простое убийство, сэр. пытки. клеймение. Арчер сказал сестре, что у него появились могущественные враги в вашем городе. Думаю, он имел в виду работорговцев. Он опасался за свою безопасность и именно поэтому, вероятно, и использовал вымышленное имя. То, что случилось, не было результатом спора об аболиционизме, зашедшего слишком далеко.

– У капитана Коршэма есть своя теория по поводу убийства, – вставил Чайлд. – По его мнению, Арчера убили, потому что он нашел способ положить конец рабству.

– Господи, правда?

– Я понимаю, что это звучит глупо, но именно так он сказал своей сестре, – пояснил я. – Как бы маловероятно это ни звучало, но если именно по этой причине он оказался в вашем городе, то это, безусловно, относится к делу. Арчер заявил, что едет сюда за чем-то, что хотели бы заполучить его враги. Если мы выясним, что это, оно сможет пролить свет на его убийство.

– Покончить с рабством, – задумчиво произнес Стоукс. – Я пытаюсь представить это. Лампа с джином? Волшебная палочка? Простите мне мою прямооту, сэр, но если вы надеетесь когда-нибудь покончить с рабством, то нужно как-то околдовать англичан. Им нравится дешевый сахар в чае и дешевый табак в трубках. Одним заламыванием рук положение дел не изменить.

– Я сообщил капитану Коршэму, что мы не обнаружили ничего необычного в номере Арчера в гостинице, тем не менее он желает сам осмотреть его вещи. – Чайлд бросил на Стоукса многозначительный взгляд.

– Я хотел бы забрать его вещи с собой. – Мне не хотелось их осматривать здесь, под взглядом Чайлда, когда его глаза-бусинки следили за каждым моим движением. – Их захочет получить сестра мистера Арчера. Сейчас я поеду сразу к ней, чтобы сообщить новость.

– Не имею ничего против. По праву они принадлежат его родственникам. Мистер Чайлд? Магистрат пожал плечами. Стоукс повернулся к африканцу за письменным столом:

– Сципион, в шкафу в моей спальне стоит черный саквояж. Принеси его сюда.

Почему вещи Тэда вообще здесь? Я вспомнил, что он говорил Амелии про дептфордские власти: они в сговоре с работорговцами. Я посчитал вполне вероятным, что мэр Стоукс и сам участвует в торговле рабами. Что касается мистера Чайлда, то мне в жизни доводилось встречать карточных шулеров в районе Ковент-Гарден, которым я доверял больше, чем ему. С убийством Тэда определенно связано гораздо большее, чем говорят эти мужчины.

– Много работорговцев живет в Дептфорде? – спросил я, пока мы ждали возвращения Сципиона.

– Несколько десятков, – ответил Стоукс. – Этот город построен на африканской торговле. Да и вся страна во многом тоже. Я пытался помочь мистеру Арчеру понять это, но он по-детски смотрел на мир. Он отказывался признавать наш вклад в финансовое положение страны, историю рабства и работорговли в самой Африке, а также окультуривание и воспитание чернокожих, которое становится возможным благодаря рабству. Он много чего мог сказать про получение прибыли от человеческих страданий, но если бы он хорошенько осмотрел этот город, то увидел бы пользу от рабства для себя. Благотворительные организации, школы для бедных, пожертвования церкви.

Значит, Стоукс тоже встречался с Тэдом.

– Как зовут работорговца, в преследовании которого обвиняли Арчера?

Чайлд нахмурился:

– А это какое отношение имеет к делу, сэр?

– Разве он не мог быть одним из тех врагов, которых упоминал Арчер?

– Нет никаких свидетельств совершения правонарушений этим торговцем. Наоборот, это Арчер несколько раз без приглашения заявлялся к нему домой и приставал к его жене и слугам на улице. Это торговец стал жертвой, а не мистер Арчер.

– На столе у Брэбэзона лежит не торговец. Почему Арчер выделил именно этого человека, почему уделял ему особое внимание? Мы должны понять, с какой целью он приехал в Дентфорд.

Девушка снова пересекла комнату и уселась на то же место на диване рядом со Стоуксом. На этот раз мы все были слишком заняты и смотрели друг на друга, а не на нее. Но тут она склонилась вперед, и я уловил легкий запах розы.

– Он приезжал сюда, чтобы увидеть темного ангела, – произнесла она.

Акцент у нее был очень слабым, говорила она на правильном английском. Стоукс взглянул на нее, а потом очень сильно ударил по лицу. Она боком завалилась на диван со слабым вскриком.

Я уже наполовину встал с кресла, собираясь вмешаться, но девушка поймала мой взгляд и очень легко, почти незаметно покачала головой. Не желая осложнять ей жизнь, я снова опустился в кресло.

В дверях появился Сципион с саквояжем в руке и, казалось, мгновенно понял, что случилось. Он бросил гневный взгляд на своего хозяина.

Чайлд смотрел в окно. Авраам взял в руки чайник и снова наполнил чашку хозяина. Я смотрел на отметину, оставленную рукой Стоукса на коже девушки, и боролся с искушением взять его за лацканы и выбросить сквозь одну из стеклянных дверей, ведущих в сад.

– Ну вот. – Стоукс массировал свою руку. – Из-за ваших поклонов и расшаркивания моя симпатичная негритянка забыла свое место. – Он улыбнулся, чтобы его слова не звучали оскорбительно.

У меня совершенно не было желания смеяться над подобной шуткой.

– Джентльмен никогда не поднимет руку на даму, сэр.

– Мисс Синнэмон – мое имущество, – спокойно ответил Стоукс. – Как я понимаю, у вас в собственности нет африканцев. Ими нужно управлять твердой рукой, в особенности если одеваешь их так, как я одеваю эту. Я еще могу как-нибудь помочь вам, капитан Коршэм?

Я видел, что больше мне здесь ничего не добиться. Несмотря на все свои светские манеры, Стоукс был таким же упрямым, как и магистрат Чайлд. Девушка держалась рукой за щеку и тупо смотрела в пол. Я забрал саквояж у Сципиона и в последний раз с беспокойством посмотрел на нее. «Он приезжал сюда, чтобы увидеть темного ангела». Мне только хотелось спросить у нее, что она имела в виду.

Глава пятая

Амелия Брэдстрит жила всего в восьми километрах от Дептфорда, но к северу от реки. Следовательно, нам понадобилось больше двух часов, чтобы добраться до нее. Мы переправились через Темзу на пароме для перевозки лошадей в Ротерхайте. Деревня Бетнал-Грин представляла собой беспорядочную смесь обветшалых домов и ферм, где разводили свиней, окруженную болотами и гороховыми полями. Над общинными землями маячил сумасшедший дом, серый и неприступный. Недобрые люди – друзья Каро в салонах в Мейфэре – говорили, что место прекрасно подходит Амелии Брэдстрит.

Я следовал указаниям, которые она мне дала, и нашел ее домик в нескольких улицах от общинных земель. Провисшая соломенная крыша была покрыта птичьим пометом, и, похоже, строили ее для дома гораздо большего размера. На огороде лежала свиноматка и кормила поросят. В воздухе резко пахло дрожжами и пивом – так пахнет у пивоварни.

Я постучал, и дверь открыла пожилая служанка-индуска. Она тупо смотрела на меня, пока я объяснял, зачем приехал, потом Амелия что-то неразборчиво крикнула из другой части дома, и служанка отступила, давая мне пройти. Она проводила меня в небольшую гостиную, где Амелия, бледная и задумчивая, вышла вперед, чтобы поприветствовать меня.

Она увидела, что я приехал один, и сразу же погрузилась.

– Я так надеялась, что вы найдете его.

Я пытался подобрать нужные слова – но возможно ли это в подобной ситуации?

– Давайте присядем, миссис Брэдстрит. Пожалуйста.

По выражению моего лица она поняла все.

– Он мертв, да?

Я безнадежно махнул рукой:

– Мне очень жаль.

Я был готов подхватить ее, если она рухнет в обморок, но Амелия просто опустилась на диван и поднесла руку к виску. Я восхищался ее стойкостью и силой духа. Она потеряла трех детей и мужа во время эпидемии холеры. Теперь у нее не осталось вообще никого.

Я пододвинул к дивану одно из видавших виды кресел. Холодная и тесная комната с отштукатуренными стенами была заставлена старой и изъеденной жучками мебелью. Выцветший ковер с каким-то индийским рисунком бросили на голые доски пола. Единственными примечательными украшениями были несколько восточных изделий из расписного фарфора.

Амелия слушала не перебивая, пока я рассказывал ей о поездке в Дептфорд. Я постарался избавить ее от многочисленных деталей. Тиски для пальцев. Удары кнута. Клеймо. Мне хотелось бы стереть их все из собственной памяти. Я продолжал думать про Тэда, лежавшего на столе у Брэбэзона. Временами мне хотелось опустить руки.

– Значит, его враги все-таки убили его, – вздохнула она. – Как он и опасался.

– Думаю, что именно это нам и следует предполагать. Вы можете вспомнить что-то еще, что о них говорил Тэд? Или о том первом покушении?

– Я пыталась вспомнить. Он говорил очень быстро – как и всегда, когда приходил в возбуждение. Что-то казалось мне притянутым за уши и маловероятным. Он упоминал врагов в Дептфорде, а еще говорил про группу богатых работорговцев. Тэд заявил, что они контролируют парламент и их власть в нашей стране сильнее, чем думает большинство людей, и об этом никогда не узнают.

– Вест-Индское лобби.

Во время учебы в Оксфорде мы часто называли их так.

– Значит, вы о них слышали? Я не была уверена, что они существуют на самом деле.

– Это группа богатейших владельцев плантаций и работоторговцев, которые действуют сообща для защиты своих интересов. Как Ост-Индская компания. Или торговцы шерстью. Их бизнес может быть сомнительным, но ничего зловещего в них самих нет.

– Вы уверены? Если Тэд на самом деле думал, что может покончить с рабством, то разве это не давало им повод желать его смерти?

– Но как, ради всего святого, он собирался это сделать? Вы сами говорили, что работоторговля – это огромное коммерческое предприятие. Многие из богатейших людей в королевстве вкладывают деньги в рейсы невольничьих кораблей, а обычные люди любят дешевые товары, которые могут позволить себе купить благодаря работоторговле. Этот рынок не может взять и исчезнуть в одночасье.

– Кажется, Тэд думал, что могут – или, по крайней мере, что он способен нанести по ним смертельный удар. Вы сказали магистрату, что он отправился в Дептфорд что-то забрать?

– У меня создалось впечатление, что его это не заинтересовало. Или он притворился, что не заинтересовало. Ни он, ни мэр не стали отвечать на мои вопросы. Из-за этого я задумался, не защищают ли они кого-то в городе. Тэд схлестнулся с одним из местных работоторговцев, а потом на причале на него набросился один моряк с невольничьего корабля.

– Вы не проверяли, есть ли среди его вещей то, что он собирался забрать?

Я не смог заставить себя разобрать его вещи в карете. Тэд мертв – осознание этого накалывало на меня снова и снова. И каждый раз мне становилось только больнее.

– Мне это кажется маловероятным. Мэр Стоукс и магистрат Чайлд спокойно отдали мне его саквояж.

Мы разложили вещи Тэда на кофейном столике. Грязная рубашка и чулки, полупустая бутылка джина, книга радикального мыслителя Томаса Пейна, пачка аболиционистских брошюр, ящик для написания писем из красного дерева, связка ключей. Амелия открыла ящик, и мы вдвоем несколько минут просматривали лежавшие там бумаги. В основном это были счета и гневные письма от кредиторов, а также несколько юридических документов. Как и говорил Чайлд, они никак не были связаны с убийством.

Амелия взяла один из памфлетов и прочитала вслух:

«С» значит свобода.
Все люди Англии должны быть
Освобождены из цепей рабства
И под знаком равенства жить.

Под стихами был изображен мускулистый африканец, разрывающий оковы. Еще ниже заглавные черные буквы провозглашали: «АНГЛИЙСКИЕ РАБЫ, ВЫ ДОЛЖНЫ ОТВОЕВАТЬ СВОЮ СВОБОДУ. “ДЕТИ СВОБОДЫ” ЗАЩИТЯТ ВАС».

– Тэд боролся за права рабов в лондонских судах, – сказала Амелия. – Многие десятки людей получили свободу благодаря ему.

– Мистер Чайлд сказал, что он пытался взбаламутить негров в Дептфорде. Тэд упоминал когда-нибудь этих людей из памфлета, «Детей Свободы»?

– Не припоминаю. Может, им больше известно о его плане покончить с рабством?

– Возможно. Только я не представляю, как их найти.

Амелия с несчастным видом уставилась на памфлет.

– Я настолько сосредоточена на собственных проблемах, что – признаю – едва ли думаю о затруднительном положении африканцев. У Тэда тоже были проблемы, тем не менее он беспокоился только о рабах и обездоленных.

– Он видел мир так, как скульптор видит каменную глыбу. Не то, что есть, а то, каким оно может стать.

– Но вас же это тоже беспокоило, насколько я помню. Я имею в виду рабство. В отличие от большинства молодых людей.

Я рассматривал изображение с брошюры, вспоминая:

– В годы моего детства у моей матери был чернокожий паж по имени Бен. Мы часто играли вместе – когда отца не было дома и он этого не видел. Мне с детства внушали, что африканцы – низшая раса, но я обнаружил, что Бен смотрит на вещи, чувствует и думает практически так же, как и я. Как только я понял это, рабство показалось мне неправильным.

– А где Бен сейчас? Все еще в рабстве?

– Отец продал его после смерти матери. Мне тогда было девять лет, Бен лишь немного старше. Я умолял отца не продавать его, но у него накопилось много долгов, а Бен стоил тридцать гиней. Я помню, как смотрел вслед уезжающей карете, зная, что больше никогда не увижу Бена. Его новый владелец отвез его на остров в Карибском море работать на плантации.

– Вы все еще верите в отмену рабства?

Я колебался. В Уайтхолле о доходах из Вест-Индии говорили только с почтением. Молодой чиновник, одобряющий отмену рабства, может попрощаться со своими политическими амбициями и перспективами. Я надеялся, что со временем, когда у меня будет больше влияния, мне удастся говорить о своих истинных убеждениях. Но пока я считал разумным прикусить язык. Но здесь, в разговоре с Амелией, я решил, что должен быть откровенным.

– Я думаю, что рабство – это самое отвратительное и мерзкое изобретение человечества. Я не знаю, как мы можем называть себя христианами. Но отмены рабства не произойдет никогда. По крайней мере, при моей жизни. Работоторговля приносит слишком большие доходы. А людей просто не волнуют африканцы в другой части света.

Амелия улыбнулась:

– Тэд сказал бы, что вам нужна вера.

Ее слова заставили меня вспомнить о странных словах мисс Синнэмон.

– Кое-кто в доме мэра сказал мне, что Тэд приехал в Дептфорд, чтобы увидеть темного ангела. Это вам о чем-нибудь говорит?

– Вы имеете в виду женщину?

– Возможно.

– У Тэда были женщины. Это я знаю. – Она покраснела. – Много женщин, хотя не таких, кого представляют сестре. Может, эта женщина – его темный ангел – знает, чем Тэд занимался в Дептфорде?

Я немного отвлекся, разрозненные мысли проносились в голове. Сколько событий за один день! Сколько вопросов без ответов! Он велел Амелии обратиться ко мне, если с ним что-то случится. Он сказал, что Гарри Коршэм будет знать, что делать. Но я не знал.

Я взял связку ключей:

– Вероятно, это ключи от его квартиры. Думаю, мне следует съездить и обыскать ее. Может, я найду там что-то полезное.

Амелия слабо улыбнулась мне:

– Спасибо, капитан Коршэм.

В одном из боковых карманов саквояжа она нашла кожаный мешочек, открыла и потрясла над ладонью. Выпал маленький сверток из красной воощеной бумаги. Амелия развернула бумагу, на которой чернилами были написаны восточные иероглифы. Внутри лежал коричневый комок размером с чернослив. Амелия понюхала его и, ничего не говоря, передала мне. Комок оказался податливым и тягучим, как замазка для окон. От него пахло свежескошенным сеном.

– Это опиум, – сказал я. – Его курят, вдыхают пары. Он одурманивает, вызывает эйфорию, у людей появляются дикие видения.

– Я знаю, что это такое. Я же жила в Индии, помните?

– Вы видели, чтобы Тэд его курил? Он этим не грешил до моего отъезда в Америку.

– Никогда. – Амелия бросила опиум на стол и внимательно посмотрела на меня: – Почему вы уехали в Америку? Вы жили здесь, а потом раз – и исчезли, не сказав ни слова. Я знаю, что вы поругались с Тэдом. Вы поэтому уехали?

– Это он так говорил?

– Он говорил, что все дело в девушке. Вы любили одну женщину. Это правда?

Мгновение я не мог ничего сказать, потому что потрясения дня снова накрыли меня. Тэд мертв, и уже ничего нельзя исправить.

– Это было очень давно, – сказал я.

Но Амелия не желала менять тему.

– Просто знайте, что он любил вас – независимо от того, какую боль вы причинили ему или он – вам. Он стал другим после вашего отъезда. Он скучал по вас, капитан Коршэм.

Каждое ее слово вонзалось в мою совесть, как стилет. Я склонил голову, стараясь не слушать.

– Многие мои воспоминания о нем – это воспоминания о вас. Как вы вдвоем приезжали из Оксфорда. Дни на реке. Папа с собаками. Вы были Арчером не меньше, чем любой из нас, носивших эту фамилию. Мама плакала, когда вы уехали. Она любила вас как сына. Но вас едва ли можно было бы назвать одним из нас, если бы вы ее не разочаровали? – Она грустно улыбнулась мне: – А теперь остались только вы и я.

Глава шестая

Мы добрались до границы Лондона в самом начале девятого. Огромный купол собора Святого Павла сиял золотом в лучах вечернего солнца, по Сити сновали клерки и биржевые брокеры, направлявшиеся домой или в поисках места для ужина. Чем дальше на запад, к Сохо, мы продвигались, тем оживленнее становилось на улицах, их заполнили джентльмены, желающие повеселиться, и проститутки. Я смотрел на них рассеянно, погруженный в воспоминания о Тэде. Лондон не изменился, но все теперь было по-другому.

Мы остановились перед Карлайл-хаусом, и я выпрыгнул из кареты, не дожидаясь, пока Сэм поставит лесенку. Привратники знали меня и махнули рукой, жестом приглашая заходить, несмотря на крики протеста из очереди всех желающих попасть внутрь. Я быстро миновал анфиладу позолоченных комнат и наконец вошел в бальный зал.

Он был ярко освещен, играла музыка, мелькали разные краски: атласные платья, расшитые жилеты, шелковые веера. Я оглядел зал в поисках жены, ослепленный игрой света на хрустале и зеркалах. Не увидев ее в бальном зале, я поспешил дальше, по Китайскому мосту, через сад во внутреннем дворе, и оказался в комнате Звезд, где играли в фараона и кости. Газеты сравнивали происходящее в Карлайл-хаусе¹⁹ с временами падения Рима. Каро называла его раем без невинности. Тэд, у которого больше негодования вызывали люди, а не развлечения, называл его десятым кругом ада.

И в этот вечер здесь и правда было как в аду. Я задыхался в своей форме, галстук казался петлей, хотя люди за игровыми столами будто бы совсем не обращали внимания на жару. Я прошел мимо своих знакомых, которые пожелали мне удачи на дополнительных выборах. Они не знали, что сейчас выборы волнуют меня меньше всего. Я думал только о Тэде. Тэде и Каро. А вот и она.

Каро смеялась, приподняв одну руку к каштановым волосам, собранным в высокую прическу, которую в этот вечер украшало несколько страусиных перьев. В свете свечей черты ее лица выглядели обманчиво хрупкими – тонкие кости, мягкие губы. Она была в светло-бежевом *robe en chemise*²⁰ с лифом, украшенным лентами бирюзового цвета. Когда она встряхивала кости, ее браслеты с бриллиантами сияли радужным светом.

На окружающих ее джентльменах были надеты белые фраки и любезные улыбки. Я искал глазами молодого виконта, который заявился к нам домой на прошлой неделе, но не увидел его. Возможно, он был изгнан из ее круга. Прийти пьяным к ней домой и пытаться спровоцировать ее мужа на дуэль, несомненно, означало нарушить установленные ею правила игры, какими бы они ни были. Не по сути, а по оболочке. Даже любовь подчинялась железным законам, установленным в гостинной Каро.

Я протолкнулся к ней и увел ее подальше от компании.

– Эй, Коршэм! – крикнул кто-то нам вслед. – Верни ее нам поскорее, старина. Она приносит удачу.

Я увел Каро в одну из маленьких ниш, украшенных гирляндами из листьев. Предполагалось, что они напоминают беседки, в которых в саду наслаждений встречаются любовники.

– Гарри? – сказала Каро. – Что случилось?

– Таддеус Арчер мертв.

Она посмотрела на меня:

¹⁹ Как говорилось в сноске выше, Карлайл-хаус был арендован артисткой и куртизанкой Корнелис. Она сделала большой ремонт и добавила несколько помещений позади особняка. В старом здании проводились балы, в новых комнатах, к которым вел так называемый Китайский мост, играли в карты и устраивали другие развлечения.

²⁰ *Robe en chemise* – платье-рубашка (*фр.*).

– Боже праведный! Это чудовищно.

– Его убили. – Мой голос дрогнул. – Сначала пытали, потом перерезали горло.

Я не стал сообщать эти детали Амелии Брэдстрит, но Каро была дочерью своего отца. Она унаследовала характер и целеустремленность старого ублюдка. Один легкий вдох – и больше никакой реакции.

– Я ездил в Дептфорд. Тело нашли там.

– Дептфорд? – Каро произнесла слово так, словно речь шла про Китай или подземное царство Аида. – Что он там делал?

– У него был какой-то план, связанный с работоторговлей. Мы с Амелией пытаемся это выяснить.

Каро нахмурилась при упоминании ее имени:

– Разве этим делом не должны заниматься дептфордские власти?

– Им нельзя верить. Тэд говорил об этом Амелии, а сегодня я сам увидел, что они собой представляют. Сейчас я еду в его квартиру. Надеюсь найти там что-нибудь. Я не хотел, чтобы ты беспокоилась.

Я осознал, что это звучит как лепет. Лицо покрылось потом, на шее пульсировала жилка. Каро смотрела на меня, как на пациента Бетлемской королевской больницы ²¹, обеспокоенно и опасно одновременно.

– Не думаю, что стоит вмешиваться.

– Тэд сказал Амелии обратиться ко мне, если с ним что-то случится. В этой истории вообще все неправильно, Каро. Он говорил, что торговцы рабами и политики готовят заговор против него. Он говорил, что они хотят его смерти.

– Еще одна причина не лезть в это дело. – Она понизила голос: – Ты вскоре должен стать членом парламента, Гарри. Если и есть удачное время для того, чтобы оказаться втянутым в историю о сенсационном убийстве, то это точно не оно. Подумай о своем избирательном округе. Некоторые местные фригольдеры ²² и сами рабовладельцы.

– Фригольдеры будут голосовать так, как нужно министерству, которое им заплатит. Кэвилл-Лоренс уверяет, что мне не нужно беспокоиться по этому поводу.

– Даже если и так, зачем рисковать?

Я снова видел покойного Чарльза Крейвена в его дочери – ум банкира быстро просчитывал риски и прибыль.

– Потому что он просил о моей помощи. Потому что у Амелии больше никого нет.

Каро склонила голову набок и смотрела на меня, выставив вперед челюсть, как профессиональный боксер из Уайтчепела ²³.

– Если друзья Амелии не желают с ней общаться, то кто в этом виноват?

У меня болела нога после всех нагрузок этого дня. Усталость, казалось, пронизывала меня до мозга костей.

– Это было много лет назад. Одному Богу известно, какую цену ей пришлось заплатить за свою ошибку. И разве влюбиться – это преступление?

– Ее влюбленность не была преступлением. Преступлением было сбежать в Калькутту с чужим мужем. Леонору Брэдстрит сломил их поступок. Они унизили ее, и она умерла от разбитого сердца. – Каро нахмурилась: – Ты дал ей денег?

– Немного. Только чтобы оплатить похороны. Послушай, давай забудем про Амелию. Речь не о ней.

– А о чем? Ты почти не виделся с Таддеусом после окончания Оксфорда.

²¹ Бетлемская королевская больница – психиатрическая больница в Лондоне.

²² Фригольдер (*ист.*) – свободный землевладелец.

²³ Уайтчепел – исторический район Лондона, где жили иммигранты и рабочий класс.

Я пытался найти объяснение, которое она сможет понять.

– Он был мне другом, когда я нуждался в этом больше всего. После смерти отца. Он стал первым человеком после мамы и Бена, которому было не все равно.

Я обвел взглядом знакомые лица за игральными столами. Этих людей я тоже звал друзьями. Одно слово, которое может значить все или ничего.

– Предположим, ты найдешь то, что ищешь, у него в квартире. Что дальше?

– Я отнесу улики дептфордскому магистрату и буду надеяться, что это заставит его действовать.

– А если не заставит?

– Тогда я сам останусь на несколько дней в Дептфорде и поспрашиваю людей. Если я выясню, кто убил Тэда, то обеспечу им уголовное преследование. У меня достаточно влияния, чтобы добиться перевода рассмотрения дела из Дептфорда в Лондон.

О степени недовольства Каро всегда можно судить по продолжительности ее молчания. На этот раз оно длилось так долго, что армия могла бы успеть осадить Трою.

– Гарри, это безумие. Скандал может все разрушить. Ты должен это понимать.

Под «все» она имела в виду дополнительные выборы и впоследствии – определенно пост в министерстве. Со временем – пэрство и место в кабинете министров. Возможно даже – хотя мы редко об этом говорили, даже между собой, – переезд в совершенно определенный дом на Даунинг-стрит²⁴. Но сейчас все это казалось мне несущественным.

– Я обещаю быть осторожным и осмотрительным. Но я должен это сделать.

Мы посмотрели друг на друга, и каждый из нас хотел заставить другого понять. В конце концов Каро опустила глаза.

– Тогда нам больше не о чем говорить, – заявила она.

Я смотрел, как она возвращается к своим поклонникам, улыбаясь, словно все в полном порядке. Кто-то вручил ей кости, она поцеловала их, и все засмеялись.

Газеты называли нас золотой парой и предсказывали нам большое будущее. Мир видел только фасад нашей жизни, и он был прекрасен. Как сказал бы Гомер, мы посрамили наших врагов и порадовали наших друзей. Но, к моему огромному сожалению, мы редко радовали друг друга.

²⁴ Имеется в виду Даунинг-стрит, 10, – официальная резиденция премьер-министра Великобритании.

Глава седьмая

Линкольнс-Инн всегда напоминал мне оксфордский колледж. Впечатляющая кирпичная сторожка у ворот на Чансери-лейн, часовня, столовая, студенты-правоведы и адвокаты в черных шелковых мантиях. Я быстро шел по темным дворам и узким переулкам, серебристый лунный свет пробивался сквозь тянущийся от реки туман. Из часовни доносилось пение – шла вечерняя служба.

Я всего один раз заходил сюда к Тэду – и в тот день я в последний раз видел его живым. Это было сразу же после моего возвращения с войны в Америке. Воспоминания о той встрече возвращались вспышками. Я снова и снова видел его мрачное бледное лицо. Тогда оно выглядело даже хуже, чем на столе у Брэбзона.

Я свернул на Нью-сквер, под ногами у меня хрустел гравий. Дома из красного кирпича, выступавшие из тумана, казались высокими и безжизненными. Я так погрузился в свои мысли, что не смотрел, куда иду, и врезался в кого-то на ступенях дома Тэда.

– Смотри, куда прешь, чертов бездельник! – рявкнул он.

Это был молодой африканец невысокого роста, с накачанными мускулами, которые выделялись под сюртуком цвета зеленого мха. Красная треуголка была натянута низко ему на лицо, и когда он повернулся, я увидел, что одна сторона его лица обезображена совершенно жуткими шрамами. Это уродство только усиливало угрозу, которая ощущалась в выражении его лица.

Бормоча извинения, я проскочил мимо него в холл дома Тэда. Я взял с собой деньги на взятки, но консьерж спал в своей будке. За тем, как я поднимался по лестнице, следила только кошка черепашьего окраса, сидевшая на стойке перед ним.

Я остановился на лестничной площадке, пытаюсь вспомнить, как пройти к квартире Тэда. Здание представляло собой лабиринт коридоров со множеством дверей, которые вели в квартиры адвокатов. На стенах висели портреты давно умерших юристов в кружевных жабо. Я несколько раз повернул не туда, пока наконец не нашел дверь Тэда. Дрожащими пальцами я вставил ключ в замок.

В большой гостиной стоял холод: окно оставили открытым, на потолок бледными прямоугольниками падал лунный свет. Я застыл в полумраке, увидев, что ко мне приближается человек. На мгновение я подумал, что это Тэд. Он отвернулся от меня, чтобы схватить две большие кожаные сумки, которые стояли на полу у окна. Я в замешательстве смотрел, как он перекинул ноги через подоконник и исчез.

Тут я очнулся и бросился к окну, ожидая увидеть его разбившимся о булыжники мостовой. Но он приземлился в двух с половиной метрах внизу на чугунном балкончике над входом в дом с Кэри-стрит. Оттуда он сбросил сумки на улицу и прыгнул вслед за ними. Я закричал, он поднял голову и посмотрел на меня. Я увидел размытые очертания белого лица. Затем он подхватил сумки и побежал в направлении Чансери-лейн.

Я хотел было броситься за ним и в другой жизни обязательно так и сделал бы. Но прыжки из окна на балкон, а оттуда на улицу – это именно то, что хирурги советовали мне не делать. Я не мог рисковать еще одним переломом и трещиной, поэтому беспомощно стоял у окна и наблюдал, как он исчезает в ночи.

Пытаясь понять, что все это значит, я споткнулся об угол камина и стал шарить вокруг в поисках лампы. Наконец я нашел ее и зажег с помощью огнива, которое лежало у меня в кармане. Комната осветилась тусклым светом. Гостиная выглядела практически так же, как в прошлый раз. Все немного потрепанное, несколько ценных вещей, которые Тэд не успел заложить, книги по философии и праву и больше почти ничего. Я наткнулся на грабителя? Если так, то он, вероятно, был разочарован. Тэд жил скромно и был одним из самых бедных джентльменов, которых я знал.

Тем не менее я осмотрел комнату более внимательно, потому что у меня появилась новая теория. Когда я был тут в последний раз, секретер, стоявший у двери, распирало от юридических документов и писем. Теперь все ящики были пусты. Как и стена над письменным столом Тэда. Раньше там висели схемы, графики и таблицы. Карты Африки и Карибского моря. План невольничьего корабля с черными телами, набитыми в трюм, как селетки.

Все исчезло. Я увидел дырочки от булавок в стене, а сами булавки валялись на письменном столе. Квартиру явно обыскивали. Все бумаги Тэда забрали.

Я подумал о мужчине, который выпрыгнул из окна. Его не напугало мое появление. Скорее наоборот. Такое самообладание говорило, что для этого человека взлом был привычным делом. Мог ли это быть убийца Тэда? Или кто-то еще, кого интересовали его бумаги? Я вспомнил свой разговор с Амелией, страхи Тэда, связанные с Вест-Индским лобби. Потом я отругал себя за собственную глупость. Я начинал думать, как Тэд. Лобби не занимается взломом и кражей адвокатских документов.

Но кто-то же сюда вломился.

И почему сейчас, сегодня ночью? Ведь Тэд мертв уже несколько дней. Может, этот человек или тот, кто его послал, до сегодняшнего дня не знал настоящих имени и фамилии Тэда? Это означало, что их они узнали сегодня, после моей поездки в Дептфорд. А это, в свою очередь, означало, что мэр Люций Стоукс или магистрат Перегрин Чайлд сообщили им.

Я зашел в спальню. Кровать Тэда была не заправлена, но для него это было нормально. Его вещи были сложены в гардеробе, а ящики прикроватной тумбочки – закрыты. Было трудно сказать, обыскивали эту комнату или нет, и все же, если я помешал взломщику закончить свое дело, то, возможно, именно здесь осталось то, что поможет объяснить убийство Тэда.

Сначала я заглянул в ящики прикроватной тумбочки, но не нашел там ничего интересного. Потом я обыскал карманы его одежды, но обнаружил в них только мелочь и потрепанные брошюры. Я даже запустил руку под матрас. Ничего.

Куда бы я ни заглянул, везде я видел Тэда. Брошенный на пол галстук, рядом с кроватью винный бокал с высохшими следами от кларета, горшок с засохшими фиалками на подоконнике. Мой взгляд остановился на портрете матери Тэда, который когда-то висел в наших комнатах в Уодхэм-колледже. При воспоминании об Оксфорде на меня нахлынули эмоции. Я слышал голос Тэда, словно он произнес эти слова сегодня: «Мама хранит все мои секреты. Она никогда не скажет ни слова, хотя знает, что гореть мне в аду».

У меня участилось дыхание. *Гарри Коризэм поймет, что нужно делать.*

Я снял портрет со стены, осмотрел его сзади и понял, что мне нужен нож, поэтому вернулся в гостиную.

В ящиках письменного стола Тэда валялся сургуч, залоговые расписки, пакеты с чернильным порошком и сломанные перья. Что-то металлическое блеснуло среди этого хлама, и я стал искать, что это было. Это оказался не нож, а плоский прямоугольник из чеканного серебра размером с коробочку для нюхательного табака. Я решил, что это входной жетон какого-то модного места отдыха. Он привлек мое внимание, потому что серебряная вещица явно что-то стоила, но Тэд не заложил ее. С одной стороны римскими цифрами было выбито «пятьдесят один» в окружении гравировки из цветов, похожих на лилии. Я опустил жетон в карман, подумав, что Амелия сможет его продать.

Наконец я триумфально извлек старый нож для заточки перьев из задней части одного из ящиков и вернулся с ним в спальню. Я вставил острие ножа в проем между рамой и задней частью картины, и мне не потребовалось много времени, чтобы отделить ее. В старые добрые времена Тэд прятал здесь самые радикальные брошюры и личные документы. Теперь там лежало всего несколько листов бумаги. Я поднес их к свету, и по коже пробежал холодок.

«ХВАТИТ ЗОДОВАТЬ ВАПРОСЫ. ХВАТИТ САВАТЬ НОС В ЧУЖИЕ ДЕЛА. ЕЩЕ РАЗ ПАЯВИШЬСЯ В ДЕПТФОРДЕ – И ТЫ МЕРТВЕЦ».

«Я ЗА ТАБОЙ СЛЕЖУ. ВАЛИ ИЗ ГОРОДА ПАКА ТИБЯ НЕ ПРИРЕЗОЛИ УБЛЮДОК».

Третья оказалась самой краткой:

«ВАЛИ ИЗ ДЕПТФОРДА ИЛИ Я ТИБЯ УБЬЮ ЛЮБИТИЛЬ НЕГРОВ».

На улице спорили какие-то мужчины. Кричали что-то про идиота и лошадь. У меня снова гудело в ушах, но я старался думать. «Почему ты не пришел ко мне, Тэд? Если у тебя возникли проблемы, если тебе угрожали – почему ты не пришел ко мне?»

Глубже в проеме между рамой и картиной лежала пачка старых листов бумаги. Сначала я принял ее за сверток с письмами. Я осторожно развернул ломкие, заляпанные пятнами страницы на кровати. Похоже, их вырвали из какого-то журнала. Все листы были исписаны столбиками цифр, рядом с каждым числом кто-то нарисовал чернилами человеческий череп. Дюжины черепов. Сотни. У меня по ребрам скатились ледяные струйки пота. Создавалось впечатление, что черепа маршируют по странице, как жирные черные жуки.

Глава восьмая

Добравшись до дома, я поднялся в детскую посмотреть на спящего Габриеля. Я рассматривал изгиб его длинных ресниц, касающихся щечек, темные волосы Каро и мою оливковую кожу. Меня охватил жуткий страх, что с ним что-то случится, пока я езжу в Дептфорд. Это был иррациональный страх, но, спустившись вниз, я сказал няне Габриеля, что один из лакеев всегда должен сопровождать их во время прогулок в парке. Эта мера предосторожности немного успокоила меня, и я попросил Помфрета, чтобы Гастон пожарил мне отбивную на ужин. Несмотря на все случившееся в течение дня, зайдя в гостиную, я задумался о разговоре с Каро.

У Каро на портрете Гейнсборо было такое же овальное лицо, как и в реальности, такие же голубые глаза. Она радостно улыбалась, и выражение лица только подчеркивало ее красоту. Когда-то она так смотрела и на меня, и это вызывало приятное возбуждение. Но почему-то все очень быстро пошло не так. Я провел много часов, пытаюсь понять, что именно.

Если я поднимал эту тему, то получал ответы, которые меня не удовлетворяли. Если я настаивал, то в конце концов жалел об этом. Во время нашего последнего разговора Каро спокойно посмотрела на меня и попросила:

– Пожалуйста, объясни, какие обязанности жены я выполняю плохо.

Я сказал что-то про любовь, она отвернулась, но мне показалось, что я успел заметить вспышку боли в ее взгляде. Впрочем, когда она снова повернулась ко мне, ее глаза были ясными.

– Мы не любовники из романа, Гарри. Я родила тебе наследника и дала богатое приданое. Твои интересы – это мои интересы. Разве этого недостаточно?

Молодой виконт, который появился в нашем доме на прошлой неделе, не был ни первым, ни последним. Мне это не нравилось, но я не собирался запира́ть ее дома. Я не мог представить ничего хуже, чем превратиться в тирана, как мой отец, которого презирали жена и сын.

И таким образом росло наше недовольство друг другом, Каро была несчастна, и от этого несчастным становился я. Иногда я замечал, что она очень странно смотрит на меня, и боялся, что она может читать мои мысли. Иногда я задумывался, не надеется ли она на мою смерть.

Я не знал, как исправить наши отношения. Я не знал, хочу ли пробовать. Я знал только, что для меня может быть только одна Каро.

* * *

Чуть позже я отправился в библиотеку, где взял чернильницу и перо и по памяти нарисовал рабовладельческое клеймо. Полумесяц, повернутый так, что рога смотрят на юг, а сверху – полоса с небольшими штрихами наподобие венчающей его короны.

– Разве это не гротеск? – заметил однажды Тэд. – Человек с клеймом его владельца, словно пальто с пришитой к нему биркой?

Чье это клеймо? Я неотрывно смотрел на собственный рисунок.

Я выложил на письменном столе то, что нашел сегодня: аболиционистскую брошюру, опиум, письма с угрозами, пачку старых бумаг с черепами, серебряный жетон. Затем я вспомнил человека, которого видел в квартире Тэда, его размытое белое лицо. Как я ни старался, больше ничего не смог про него вспомнить.

«ХВАТИТ ЗОДОВАТЬ ВАПРОСЫ. ХВАТИТ САВАТЬ НОС В ЧУЖИЕ ДЕЛА. ЕЩЕ РАЗ ПАЯВИШЬСЯ В ДЕПТФОРДЕ – И ТЫ МЕРТВЕЦ».

Неграмотно и грубо. Это явно писал необразованный человек. Или образованный человек, притворявшийся необразованным. Автор явно жил в Дептфорде, и, судя по письмам, Тэд проводил там какое-то расследование. Может, пачка старых бумаг тоже как-то связана с этим расследованием? Я достал из письменного стола лупу, чтобы рассмотреть их внимательнее.

В списке стояли числа от одного до трехсот шестнадцати. Сейчас я понимал не больше, чем когда впервые увидел их в квартире Тэда. Рядом с некоторыми числами вместо черепов были нарисованы христианские кресты. Я насчитал десять крестов. Это поставило меня в тупик.

На одном листе мне удалось разобрать дату: «12 декабря 1778 года» – чуть больше двух с половиной лет назад. Я изучил остальные листы и нашел еще несколько дат на полях, перемежающихся черепами: 14, 16, 17, 19 декабря. Пять дат, всего семь дней между первой и последней. Были еще какие-то числа, которые сначала казались бессмысленными. Наконец я разобрал одну выцветшую фразу: «Во второй половине дня очень жарко и штиль...» Остальную часть предложения прочитать не удалось из-за того, что на страницу попала вода.

Во время Войны за австрийское наследство Помфрет служил интендантом во флоте, и когда он принес мне ужин, я попросил его взглянуть на бумаги.

– Как вы думаете, это могут быть географические координаты?

Помфрет изучил цифры, взявшись рукой за длинный подбородок так, что стал похож на задумчивую марионетку.

– Могут, сэр. Похоже на корабельный журнал.

– А вы знаете, что означают эти кресты и черепа?

– Капитан ставит крест, когда член экипажа умирает в море. Черепа я раньше никогда не видел. И почему их так много? Может, перевозили животных?

Я смотрел на длинные ряды черепов, и у меня по коже побежали мурашки.

– Я скорее думаю, что это были рабы.

– Не повезло, – покачал головой Помфрет. – Неприбыльный рейс. Что же у них случилось, черт побери?

– Не знаю, – ответил я. – Что-то плохое.

Глава девятая

Через два дня мы похоронили Таддеуса Арчера.

В церкви в Бетнал-Грине пахло воском, увядающими цветами и гниющей кожей. Викарий долго читал молитвы, и у меня судорогой свело больную ногу. Я сидел рядом с Амелией. На фоне ее черного батистового платья лицо было белым, как мрамор. Ее серые глаза блестели, хотя никто из нас не плакал. Я узнал кое-кого из людей, пришедших проститься с Тэдом: юристы из Линкольнс-Инна, наши сокурсники из Оксфорда с женами. Вероятно, они прочитали объявление, которое Амелия дала во вчерашних газетах. На одном из рядов сидело несколько пожилых женщин. Я решил, что это просто местные прихожанки.

Среди всех выделялась женщина, сидевшая одна, даже без слуги. Ее лицо полностью скрывала плотная черная кружевная вуаль. Ее черные волосы были стянуты в узел и заколоты шпильками из слоновой кости. Когда викарий закончил последнюю молитву, она встала со скамьи, и я увидел, что она необычно маленького роста. По рукам, сжимавшим Библию, я догадался, что это молодая женщина. Позднее, уже на улице, я попытался ее найти, но не смог.

Я проводил Амелию до могилы. Первыми шли наемные участники церемонии – возглавлявший ее распорядитель с жезлом, за ним – мужчины с гробом и с полдюжины профессиональных плакальщиц. Когда мы завернули за угол церкви, Амелия внезапно крепко сжала мою руку:

– Взгляните туда, капитан Коршэм.

Вокруг ямы, выкопанной заранее, чтобы принять земные останки Тэда, собралось около двух десятков африканцев. Цвет их кожи варьировался от темно-бежевого до самого черного. Они выбрали цветные одежды – ярких оттенков желтого, алого и бирюзового. На женщинах были киракры²⁵, на мужчинах – шляпы с перьями. Некоторые пришли с трубами и кларнетами. Очень полный африканец в одежде джентльмена взмахнул рукой, и музыканты заиграли похоронный гимн. Остальные африканцы запели:

– Внимайте! – шепчут они; ангелы говорят:

– Родной дух, уходи!

Что это, полностью поглощающее меня, —

Что забирает мои чувства, закрывает глаза,

Заливает мою душу, вытягивает дыхание?

Скажи мне, моя душа, это может быть смерть?

Викарий что-то очень эмоционально говорил распорядителю, потом они вместе подошли к Амелии.

– Мне очень жаль, миссис Брэдстрит, – сказал викарий. – Я попрошу церковного служителя разогнать их. Через минуту их здесь не будет.

– Нет, – покачала головой Амелия. – Я думаю, они были знакомы с моим братом. Пожалуйста, пусть продолжают.

Мы стояли и наблюдали за происходящим. Оксфордцы и другие прощающиеся неловко переминались с ноги на ногу вокруг нас. Африканцы пели, и слезы катились у них по щекам. Через некоторое время я понял, что полный джентльмен прекратил петь. Он неотрывно смотрел на чернокожего мужчину, который стоял в стороне от всех, за низкой стеной, ограждающей кладбище. Он тоже наблюдал за похоронами, прижимая к груди красную шляпу. На этот

²⁵ Киракра – дамский жакет с рукавами «три четверти», популярный во второй половине XVIII века, – приталенная распашная куртка.

раз я очень хорошо рассмотрел шрамы на его лице. Это был тот же африканец, с которым я столкнулся две ночи назад в Линкольнс-Инне.

Вероятно, они с Тэдом были знакомы, и я задумался, не связан ли он с «Детями Свободы». Я то и дело посматривал на него, пока гроб опускали в могилу, а викарий читал молитвы. К яме подошли могильщики с лопатами и стали закидывать гроб землей. Когда первые комья земли упали на крышку, африканцы снова запели. Я стоял и смотрел, как останки Тэда исчезали – его забирала себе жесткая сухая земля. Амелия покачнулась, крепче ухватилась за мою руку, а когда все закончилось, вздохнула.

Потом я поблагодарил викария и распорядителя. Они стояли с каменными лицами, недовольные появлением африканцев, и быстро ушли. Одна из плакальщиц подошла поговорить с Амелией, я тут же извинился и оставил их, потому что сам хотел поговорить с молодым чернокожим мужчиной со шрамами. Я направился к нему через кладбище, он заметил это, развернулся и поспешил прочь. Когда я добрался до стены, окружающей кладбище, он уже находился на середине улицы, явно направляясь к лужайке, где торговали фермеры. Я перелез через стену и бросился за ним. Он взглянул через плечо и пошел быстрее. Я тоже ускорился, но меня сдерживала больная нога. Он завернул на лужайку, и когда я добрался дотуда, он уже исчез в водовороте покупателей и фермеров, предлагающих свой товар. Я оглядел толпу, но не увидел его. Разочарованный, я направился назад к церкви.

Когда я вернулся, Амелия разговаривала с полным африканцем.

– Позвольте мне представить вам мистера Моисея Грэма, – обратилась она ко мне. – Капитан Коршэм был одним из старейших друзей моего брата. Мистер Грэм – художник, пишет акварели. А когда позволяет работа, он участвует в кампаниях за отмену рабства. Так он и познакомился с Тэдом.

Мы поклонились друг другу. Круглое лицо Моисея Грэма с пухлыми щеками, плоским носом и густыми седыми бровями было вытянуто в районе рта. Камзол и жилетка были из ярко-красного бархата, отделанного золотой тесьмой, на голове у него красовался огромный тяжелый старомодный парик.

Рядом с ним стоял высокий худой африканец в синем военном мундире.

– Эфраим Прудлок, – представил его Грэм. – Мой помощник в вопросах искусства и аболиционизма.

Грэм говорил грудным голосом на хорошем английском, только немного шепелявил. Прудлок поклонился. Его волосы были заплетены во множество тонких косичек, завязанных сзади желтой лентой.

– Мистер Грэм только что рассказал мне, что написал книгу о своей жизни, – сообщила мне Амелия. – Он надеется, что его история изменит отношение людей к рабству.

– Я буду рад прочитать ее, – сказал я. – Вы сами были рабом, сэр?

– Был, – кивнул Грэм и взмахом своей светлой ладони указал на других африканцев. – Многие из этих мужчин и женщин обязаны своей свободой мистеру Арчеру. Они пришли помянуть его и воздать хвалу Господу за то, что позволил им с ним встретиться.

Я знал, что Тэд часто представлял чернокожих клиентов. Девять лет назад раб по имени Джеймс Сомерсет подал в лондонский суд на своего владельца, и Лорд – главный судья – неохотно постановил, что рабство несовместимо с Великой хартией вольностей. Эта история создала прецедент, и некоторые уже заявляли, что рабство теперь незаконно на английской земле. На самом деле все было не так просто – в законах царил путаница, но рабы могли обратиться в суд, чтобы их не отправили принудительно на острова Карибского моря. В результате большинство чернокожих в Англии стали наемными слугами. Только в портах, через которые шла работорговля – Бристоле, Ливерпуле, Дептфорде, – англичане все еще оставались владельцами большого количества рабов. Говорили, что африканцы в таких местах не понимают, что закон может помочь им, и не знают, что такие адвокаты, как Тэд, будут оказывать им юридиче-

ские услуги бесплатно. Неудивительно, что люди пребывали в замешательстве. Может, английские свободы и правда господствовали на английских берегах, но Великая хартия вольностей не запрещала лицемерия. Решение суда не распространялось на наши карибские колонии, где плантации зависели от труда рабов.

– Мистер Грэм, вы слышали про аболиционистское общество под названием «Дети Свободы»? – спросил я.

– Я слышал о них, хотя предпочел бы не слышать. Они приносят больше вреда, чем пользы делу аболиционизма.

Его ответ поставил меня в тупик.

– Разве они не помогают беглым рабам? – спросил я.

– Помогают, но часто используют дерзкие методы, иногда применяют насилие. В прошлом году они помогли рабу сбежать из дома в Блэкхите и сильно избили лакея, который пытался их остановить. Мистер Арчер был одним из адвокатов, представлявших рабов, которым они помогали.

– Вы знаете, где их найти?

– Мне очень жаль, но я не могу вам помочь. Видите ли, они действуют тайно. Своими действиями они нажили себе много врагов среди работорговцев и опасаются мести. По этим причинам я советовал бы вам не искать их.

Несмотря на предупреждения Моисея Грэма, я решил, что после возвращения в Лондон попытаюсь найти их.

– Сюда приходил мужчина со шрамами в красной шляпе. Я видел, как вы на него смотрели. Кто он?

Грэм колебался:

– Его зовут Сизар Джон. Еще один африканец, из-за которого у нашей расы плохая репутация.

– Он аболиционист?

– Он негодяй, – вмешался в разговор Прудлок, его акцент был гораздо сильнее, чем у Грэма. – Несомненно, вы читали в газетах, что Лондон кишит свободными неграми, которые только и ждут, как бы залезть в ваш дом и перерезать вам горло? Эти рассказы основаны на предрассудках, но у нас есть свои мошенники и злодеи, точно так же, как и среди представителей вашей расы. Сизар Джон как раз из таких.

– Что он делал здесь? Он был другом мистера Арчера?

– Я сам задавался этим вопросом, – сказал Грэм. – Он опасный человек. Я советую вам держаться от него подальше, сэр.

– А темный ангел Тэда? – спросила Амелия. – Вы когда-нибудь слышали о ней?

Прудлок резко поднял голову. На его широком носу было много веснушек, выделявшихся на желтовато-коричневой коже. Грэм бросил на него предупреждающий взгляд.

– Темный ангел Тэда, – повторила Амелия, которая также заметила эту реакцию. – Мы знаем, что это причина его поездки в Дептфорд. Капитан Коршэм считает, что, если нам удастся больше узнать о том, что он там делал, это поможет найти его убийцу.

– Мы ничего не знаем об этом, мадам, – сказал Грэм, доставая часы из кармана жилетки. – Пожалуйста, простите нас, но мы опаздываем на встречу. Еще раз выражаю вам свои соболезнования.

Он быстро поклонился, и они поспешили прочь.

– Подождите! – крикнул я им в спину. – Если мистер Арчер был вашим другом, пожалуйста, расскажите нам, что вы знаете. Это важно!

Грэм развернулся и заговорил напряженным шепотом:

– Вы ставите чернокожих в опасное положение, просто спрашивая о ней, сэр. Это опасно для жизни! Прошу вас, сэр, никогда больше не говорите о ней.

Он еще раз умоляюще посмотрел на меня, а потом они с Прудлоком быстро пошли по траве.

– От нас сбегает человек, напуганный до полусмерти, – сказала Амелия, наблюдая за удаляющимися мужчинами.

– Два человека, – поправил я. – И то, чего они боятся, связано не только с Дептфордом. Они не чувствуют себя в безопасности даже здесь.

Я решил, что после возвращения в Лондон снова найду Моисея Грэма.

– Если враг сильный и могущественный, то, наверное, он может добраться до вас где угодно, – заметила Амелия.

Это была отрезвляющая мысль. Мы еще несколько минут постояли у могилы. Я склонил голову, вспоминая, что пели африканцы. Их слова показались мне более подходящими, чтобы отдать последние почести Тэду, чем любые благочестивые молитвы викария.

Мир отступает; он исчезает.

Перед моими глазами, моими ушами открывается небо

С ангельским звоном.

Дай, дай мне твои ветра! Я сажусь в седло! Я лечу!

О Могила! Где твоя победа?

О Смерть! Где твое жало?

* * *

Необходимо рассказать о моем расставании с Амелией Брэдстрит.

– Мне не хочется, чтобы вы возвращались в это ужасное место, – заявила она, когда мы стояли у ворот кладбища. – Это может быть опасно.

Я отвел в сторону край плаща, чтобы показать ей меч и пистолет с ударно-кремневым замком. Но это ее не слишком успокоило.

Мы стояли в тени колокольни. Амелия смотрела на череду удаляющихся карет, которые увозили скорбящих.

– Большинство из них даже не могли заставить себя заговорить со мной.

– Для женщин это дело принципа, – пояснил я. – А мужчины, как я предполагаю, боятся, что возникнут сплетни, если они проявят доброту.

– Вы были добры ко мне, и не похоже, чтобы вы боялись.

Я не хотел давать ей ложных надежд на то, что наше общение продолжится после того, как мы завершим наше расследование убийства Тэда. Тогда мои отношения с Каро станут еще хуже.

– Тэд был моим старейшим другом. Я едва ли мог поступить иначе.

– Да, конечно. – Она опустила глаза.

Я пожалел о своих словах, едва только произнес их.

– Простите, миссис Брэдстрит. Я не имел в виду...

– Имели. – Она смотрела на тонкое золотое обручальное кольцо на своем пальце. – Мы плохо поступили с несчастной Леонорой Брэдстрит. Я знаю. Но тем не менее, если бы жизнь можно было начать сначала, я поступила бы точно так же, не задумавшись ни на секунду. Любить так хотя бы раз в жизни... совершенно не думая о последствиях... Мне совсем не стыдно. Вы способны это понять?

– Любовь? Да, я понимаю.

– Вы имеете в виду любовь в рамках приличий, когда все чинно и благородно. – Она вздернула подбородок и посмотрела на меня. Я видел на ее лице выражение гнева и гордости. –

Я могу выдержать их осуждение, их сплетни, даже вашу жалость, капитан Коршэм. Но я не могу выдержать одиночество.

Часть вторая

24–26 июня 1781 года

Дух не имеет абсолютной или свободной воли, но он определяется к той или иной воле причиной, которая также определяется другой, а эта в свою очередь – опять другой и так далее.

Бenedикт Спиноза. «Этика», часть II «О природе и происхождении души»

Глава десятая

Я забрал коня, Зефира, который был привязан перед церковью, и поскакал к реке по дороге, ведущей на юг из Бетнал-Грина. Как и раньше, я пересек Темзу у Ротерхайта, успокаивая Зефира ласковыми словами, пока паром для перевозки лошадей боролся с опасными течениями. Приходилось дышать всякой мерзостью – вокруг нас стояли возницы и торговки устрицами. Сойдя на южный берег, я пустил коня галопом по дороге на восток.

Сидя в седле, я думал о корабельном журнале и о черепахах. Возможно ли, что более трехсот рабов погибло на борту одного корабля? А если да, то *как* они умерли? Я знал, что иногда на невольничьих кораблях случаются вспышки болезней, но это-то должна была быть настоящая чума. Это было не кораблекрушение или пожар, поскольку, судя по датам, рабы умирали на протяжении нескольких дней. Я читал ужасающие сообщения о морях с невольничьих кораблей, которые грубо и жестоко обращались с африканцами, но, конечно, ни один капитан не допустил бы уничтожения такой большой части вверенного ему груза?

Думая об этом, я также много размышлял об Амелии Брэдстрит. Мне было не по себе из-за того, как я с ней разговаривал, и мне очень хотелось бы иметь возможность взять свои слова назад. Я решил, что заеду к ней после возвращения из Дептфорда и попытаюсь объяснить.

Дорога повернула на юг, повторяя большой изгиб Дептфорд-Рич. Вскоре я увидел очереди из повозок и кавалеристов, которые ждали, когда их пропустят на территорию военноморской верфи. Эта огромная территория сама по себе была небольшим городом, защищенным от воров и радикалов трехметровыми стенами. За верфью по обеим сторонам дороги на Дептфорд-Стрэнд стояли ветхие, полуразвалившиеся домики. И тут я снова почувствовал городскую вонь.

Я довольно легко нашел сторожевой дом. Это приземистое здание с конической крышей казалось более подходящим для нужд правоохранительных услуг маленькой деревни, а не города таких размеров и такой репутации, как Дептфорд. Я привязал Зефира к столбу перед дверью.

Перегрин Чайлд сидел внутри вместе с каким-то стариком с рыжей бородой. Они играли в карты, на столе стояло три бутылки вина, две из них – пустые.

– Капитан Коршэм, вы вернулись? – поприветствовал меня Чайлд. Как мне показалось – немного настороженно.

Он даже не попытался встать, и старик, которого я принял за констебля, последовал его примеру и только улыбнулся мне беззубой улыбкой.

– Добрый день, мистер Чайлд. Я привез вам улики, имеющие отношение к убийству мистера Арчера. – Я вручил ему письма с угрозами. – Непонятно, отправляли ему эти записки, пока он находился в Дептфорде или когда жил в Лондоне, но связь с Дептфордом очевидна. Я нашел их в квартире Арчера, где столкнулся со взломщиком, который ее обыскивал. Я же говорил вам, что это убийство – это нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Чайлд хрюкнул:

– Когда человек умирает, новости разлетаются довольно быстро. Мелкие воришки стараются обчистить дом умершего, пока там никого нет.

– Мелкие воришки не берут юридические документы. Украдены почти все бумаги Арчера. Если бы я не помешал взломщику, он мог бы забрать и эти письма.

Чайлд бегло просмотрел письма и отдал их мне.

– И что с того? Я же говорил вам, что ваш друг здесь доставлял людям неприятности.

– Эти письма доказывают, что Арчер задавал вопросы в вашем городе – именно это разозлило автора, а не просто его взгляды на рабство. – Я решил не упоминать страницы из корабельного журнала, пока сам не выясню о них побольше. – По меньшей мере эти письма показывают, что он был знаком со своим убийцей.

– Тот, кто написал эти письма, не испытывал к Арчеру большой любви, но из этого не следует, что их автор убил его.

– Но разве это не заслуживает расследования?

Чайлд вежливо улыбнулся:

– В прошлый раз вы были уверены, что вашего друга убил какой-то работорговец. Мне кажется, это написано не рукой работорговца. Или вы уже отказались от той теории?

– Работорговцы нанимают необразованных людей. Или работорговец мог так написать специально. – Я подавил разочарование и стал говорить более спокойным и ровным тоном: – А вы как-то продвинулись вперед после моего отъезда из города?

– За объявленной мной наградой никто не обращался. Я уже говорил вам: работорговцы защищают своих людей.

– А что имела в виду та рабыня, мисс Синнэмон? Она сказала, что Арчер приезжал в Дептфорд, чтобы увидеть своего темного ангела. Что это значит?

– Понятия не имею.

– Вы не спрашивали ее?

Чайлд скрестил руки на груди и одарил меня воинственным взглядом.

– В ту ночь, когда убили Арчера, в Дептфорде было совершено еще три убийства: две ножевые драки в тавернах на Дептфорд-Стрэнд и задушенная проститутка. Еще несчетное количество драк в борделях, кража пороха со склада на территории военно-морской верфи и много других краж с разных складов в районе причалов. Хотелось бы мне сказать, что это была необычная ночь, но тогда я бы соврал. У меня полно работы, сэр. Я не могу позволить себе особого отношения ни к одному труп.

– Я вижу, как вы заняты. – Я пристально посмотрел на бутылки на столе. – Но раз так, я решил сам заняться расследованием убийства.

Судя по лицу Чайлда, он несколько не удивился, мне только показалось, что он что-то просчитывает в уме.

– Конечно, это ваше право. Тем не менее я бы посоветовал вам, сэр, быть осторожным. Не сомневаюсь, вы прекрасно владеете саблей и пистолетом, но Дептфорд не поле битвы, по крайней мере, не из таких, на которых вам приходилось бывать раньше. Джентльмены на этих улицах имеют весьма смутное представление о чести, и единственное, чем вам может послужить здесь ваш красный мундир, – табличкой на спине о том, что вас стоит попытаться ограбить.

– Спасибо за предупреждение, но, боюсь, я уже настроен на расследование. А теперь мне хотелось бы увидеть место, где вы нашли тело, мистер Чайлд. Вы покажете его мне?

Я ожидал очередного отказа, но Чайлд только пожал плечами:

– Хорошо, пойдемте. У меня в любом случае есть дела в том районе.

Может, он просто хотел за мной приглядывать. Я не возражал – если он на самом деле хотел этого. Но я сам тоже собирался приглядывать за Перегрином Чайлдом после всех уверток и упрямства, которые продемонстрировал в общении со мной этот человек.

Глава одиннадцатая

На улицах в районе верфей слышался стук молотков и звуки работающих пил. Чем ближе мы подходили к реке, тем сильнее становилась вонь. Перегрин Чайлд презрительно посмотрел на мою прихрамывающую ногу и, вместо того чтобы подстроиться под мой шаг, все время уходил вперед, а затем демонстративно ждал, пока я его догоню. Мы прошли мимо канатной фабрики, магазинов, торгующих углем, складов и контор судовладельческих компаний, в которых нанимают моряков. На каждом углу на солнце стояли группы мужчин, ищущих работу.

– Невольничьи корабли – любимая цель французов, черт их побери, – сказал Чайлд. – Если им не удастся их захватить, они топят их. В прошлом году наш город потерял много мужчин. Инвестиции теперь не приносят былой прибыли, а чем меньше рейсов, тем меньше работы. Не только на невольничьих кораблях, отправляющихся в Африку, но и на верфях, у поставщиков продовольствия – везде.

– Расскажите мне про человека, который напал на Арчера.

– «Напал» – это слишком сильно сказано. Ваш друг раздавал брошюры в одной из таверн на набережной. Рабовладение – это грех и все в таком роде. При тех настроениях, что царят у нас в городе, неудивительно, что у него возникли проблемы. В прошлом году нечто подобное случилось с одним джентльменом-квакером. Он решил прочитать проповедь о том, что торговать африканцами грешно, прямо в центре Хай-стрит. Торговки рыбой забросали его устричными раковинами, и он в слезах прибежал в сторожевой дом.

Пегрин Чайлд улыбнулся, вспоминая об этом.

– Мы говорили про мистера Арчера, сэр.

– Говорили. – Чайлд сплюнул на булыжники мостовой. – Что я могу сказать? Своими речами он прервал игру в кости. Началась драка. Он был в два раза меньше своего противника, и тот разбил ему нос. Я вмешался и посоветовал ему убраться из города. Я надеялся, что он меня послушает.

Мы вышли к причалам между двух зданий, и я на мгновение замолчал при виде этого впечатляющего зрелища. Несколько сотен кораблей качались на волнах. Канаты, держащие их у причалов, натягивались, флаги трепетали на ветру. Дальше на набережной группа портовых грузчиков, разгружавшая один из кораблей в Дептфорд-Риче, несла ящики. Баржи плавали вокруг крупных судов, как детеныши вокруг кормящей самки кита.

– Вы арестовали человека, который набросился на Арчера?

– Если бы я арестовывал всех, кто вступает тут в драку, то пришлось бы снести церковь и построить новую тюрьму. Кроме того, и Арчер не остался в долгу. Он укусил своего противника за руку. Рана выглядела ужасно.

Портовые грузчики заметили магистрата и запели похабную песню. Чайлд поднял руку, словно благодарил за оказанную честь, грузчики рассмеялись.

– Как его зовут? Это моряк?

– У этого человека есть алиби. Он не пытался никого убить, только преподавал урок вашему другу. Я исключил его из списка подозреваемых. Это все, что вам нужно знать.

Меня заинтриговал его отказ назвать имя того, кто напал на Тэда. Если этот человек невиновен, как утверждает Чайлд, то почему он проявляет такую осмотрительность?

– Этот человек как-то связан с работником, которого преследовал Арчер? Тем, чье имя вы тоже отказываетесь назвать?

Чайлд внимательно посмотрел на меня:

– Их связывает только одно: Арчер провоцировал их обоих.

По мере того как мы приближались к военно-морской верфи, стук молотков и визг пил усилились. Люди кричали и свистели. Время от времени вырывались огромные клубы пара

и поднимались метров на пятнадцать вверх. Я знал, что готовится отправка дополнительных войск в американские колонии. Мой покровитель, Николас Кэвилл-Лоренс, говорил, что война будет выиграна к Рождеству, но, с другой стороны, он говорил это и в прошлом, и в позапрошлом году.

Чайлд остановился у столба с металлическим крюком сверху.

– Мы нашли его здесь. Руки Арчера были связаны, он был полностью обнажен. Его одежда так и не нашлась. Либо ее продал убийца, либо она лежит на дне Темзы.

Я посмотрел на крюк, оглядел это унылое место в углу причала.

– Почему его повесили здесь? Потому что убийца гордился сделанным? Или это было предупреждение остальным?

– Думаю, что второе. Здесь не любят аболиционистов.

– В особенности тех, кто думает, что знает, как покончить с рабством.

– Как скажете. Мы также не нашли и орудие убийства. Брэбэзон, хирург, с которым вы недавно познакомились, считает, что это был не обычный карманный ножик, а что-то побольше.

– Охотничий нож?

– Скорее, штык-нож. Горло не пилили, был один чистый разрез.

Мне было очень тяжело об этом думать, но это был мой долг.

– А рабское клеймо? Вы нашли работаровца, который использует его?

– А смысл?

Я с трудом сдержал раздражение:

– Может, убийца входил в команду на одном из его кораблей?

– Зачем убийце ставить клеймо, с помощью которого его можно опознать? Не вижу смысла.

Это был разумный довод, но я не желал соглашаться с ним, не проведя более тщательного расследования.

– Кто его нашел?

– Местный парень, Натаниель Гримшоу. Он работает ночным сторожем на одном из складов вон там. Натаниель вышел выкурить трубку около четырех утра и нашел вашего друга, качающегося на крюке. Арчер жил в гостинице, которую держит его мать, в «Ноевом ковчеге». Мы с вами встречались там. Парень сразу узнал его, разбудил дежурного констебля, а тот поднял с кровати меня.

– Вы знаете, в какое время его оставили здесь?

– Натаниель говорит, что он проходил тут около часа ночи, и тогда Арчера еще здесь не было.

– Значит, между часом и четырьмя часами утра?

– Скорее, после двух. До этого тут шляется много людей из прибрежных таверн. Убийце пришлось бы сильно рисковать.

– На пытки требовалось время. По крайней мере час.

– Думаю, больше, – заявил Чайлд без тени улыбки на лице.

Я еще раз осмотрелся – склады, таверны, близко расположенная военно-морская верфь со стражниками.

– Его не могли пытать здесь. Убийце требовалось какое-то более уединенное место. Может, один из складов?

– Многие стоят пустыми. Несколько дептфордских торговцев разорились в последние годы.

Я почувствовал, что Чайлд немного расслабляется и смягчается, и задумался, не беспокоит ли его убийство Тэда гораздо больше, чем он показывает. Магистратов в провинциальных городах назначают самые богатые горожане. Здесь, как я предполагал, это были люди, разбо-

гатевающие на работоторговле. Может, Чайлд волнуется за свое место? Или боится того, к чему может привести расследование?

– Это должен был быть высокий и физически сильный человек, чтобы притащить сюда Арчера и повесить.

– У него могли быть помощники.

– Вы считаете, что это возможно?

Чайлд как будто мгновенно закрылся, и на лице появилось то же воинственное выражение, что и раньше.

– Возможно все.

– А других подозреваемых у вас нет?

Чайлд смотрел на голые болота на Собачьем острове, от которого нас отделяла вода. Там стояла виселица, на которой болтались трупы трех повешенных мужчин – бунтовщиков или пиратов – и медленно гнили на послеполуденном солнце.

– Никто ничего не говорит. Во-первых, никто не хотел видеть его здесь. И если кто-то и знает, кто его убил, я последний человек, кому он об этом скажет. Может, он пошел бы в ближайшую таверну и угостил убийцу.

– Значит, вы думаете, что это мог сделать любой человек, кроме того, кто, как нам известно, напал на Арчера раньше?

Это была чушь собачья. Чайлд даже не пытался найти убийцу.

– Ну, примерно так. Caveat viator.

Риск путешественника – или «ответственность лежит на путешественнике». Я начал несколько уставать от магистрата с его дурацкой латынью.

– Вы считаете, что он получил по заслугам? – резко спросил я.

– Никто такого не заслуживает. Но люди из рабовладельческого бизнеса – это люди совершенно особой породы. Это занятие меняет их. Убивает все хорошее в душе. Начнете бороться с ними – и плохо закончите. – Чайлд кивнул на крюк.

Глава двенадцатая

Чайлд ушел по своим делам, и я в одиночестве бродил по улицам портового квартала. Все оптовики здесь продавали то, что нужно в плавании: парусина, продовольствие, скобяные изделия. Меня интересовали последние.

Я переходил из одной лавки в другую – мне сказали, что в Дептфорде почти дюжина скобяных лавок, – и в каждой показывал рисунок клейма. Я подслащивал свои вопросы небольшим количеством серебра, но хозяева отвечали мне пустым взглядом. Пока я не оказался в седьмой по счету лавке.

Кузнец с копной седых волос и большой родинкой на носу посмотрел на рисунок:

– Да, моя работа. Хотите такое же?

– Возможно. Вы можете рассказать мне про это клеймо?

Образцы его изделий висели на стенах лавки: куски цепей разной толщины, продававшиеся милями, ошейники, ручные и ножные кандалы. Вывеска над ошейниками гласила: «Все размеры от четырех лет и старше».

Я вспомнил ошейник на шее Бена, моего друга детства. Потом подумал про Габриеля, который был лишь немного младше мальчиков, которым предназначались самые маленькие ошейники. Я сделал глубокий вдох, чтобы хоть как-то подавить ярость, вызванную этими образами.

Владелец лавки почесал свой живот сквозь кожаный фартук.

– По правде говоря, могло бы выглядеть получше. Железо хорошо подходит для инициалов, но для картинке надо брать золото. – Он прижал сустав одного пальца к тыльной стороне ладони и издал шипящий звук. – Край получается более четкий. Но покупатель не хотел переплачивать.

– Вы можете назвать его имя? – Я показал серебряную крону. – Если он привозил рабов сюда, в Дептфорд, то, возможно, даст мне взглянуть. Мне хотелось бы посмотреть, как это клеймо смотрится на теле.

Кузнец улыбнулся, не сводя глаз с монеты. Может, он и не поверил моим словам, но правда его не интересовала. Он снял журнал с полки за прилавком и какое-то время перелистывал страницы.

– Вот.

Он перевернул журнал, чтобы я сам мог посмотреть. На странице был тот же рисунок, что и у меня: полумесяц, увенчанный короной. Рядом описывался заказ и значилось имя человека, который заказал клеймо: «Джон Манди, эсквайр. “Атлантик Трейдинг и партнеры”». Я переписал адрес – склад в районе частных причалов, – и моя монета исчезла в кармане хозяина скобяной лавки.

Воодушевленный удачей, я повернулся, чтобы выйти из лавки. У двери стоял портновский манекен, окрашенный в шоколадный цвет. Черты лица были преувеличенно африканскими. Ко рту была прикреплена какая-то странная металлическая конструкция.

– Что это, ради всего святого? – спросил я.

– Расширитель. – Торговец скобяными изделиями вышел из-за прилавка и повернул винт в боковой части приспособления. Рот манекена медленно открылся. – Некоторые рабы становятся очень слезливыми и сентиментальными на Среднем пути и отказываются есть. А расширитель позволяет кормить их против воли.

– Очень находчиво, – пробормотал я, чувствуя горечь во рту.

Было уже слишком поздно, чтобы идти к частным причалам, и мне требовалось найти место для ночлега до наступления темноты. Я решил попробовать заглянуть в «Ноев ковчег», где останавливался Тэд. Я забрал Зефира из сторожевого дома и направился в гостиницу.

Хозяйка, миссис Гримшоу, приветствовала меня в обеденном зале. Это была высокая женщина с рыжевато-каштановыми волосами, одетая в черный вдовый наряд, в ее голосе слышался ирландский акцент. Она внимательно осмотрела мою форму, и у меня возникло ощущение, что меня оценивают, как товар, продаваемый метрами.

– Могу предложить вам «Барбадос», сэр. Это наш лучший номер с приятным видом на реку.

Она назвала огромную сумму, мы начали торговаться и в конце концов пришли к соглашению. Я поручил заботу о Зефире ее конюху, молодому парню, и миссис Гримшоу проводила меня наверх, в мой номер. Комната оказалась маленькой и квадратной, заставленной старой дубовой мебелью. На одной стене висела картина с изображением гавани в Бриджтауне на Барбадосе. «Приятный вид на реку» оказался видом на конюшню при гостинице и бойню на углу перед частными причалами. За складами и другими зданиями я с трудом мог различить набережные и ряд стоявших на якоре невольничьих судов.

– Он жил здесь? – спросил я. – Тот мужчина, которого убили.

Выражение ее лица мгновенно изменилось.

– Вы уже слышали? Это наш лучший номер, так что, естественно, джентльмен останавливался в нем. Если хотите, я могу предложить вам другой номер.

Я обвел взглядом комнату, в которой Тэд провел свою последнюю ночь на этой земле.

– Этот прекрасно подойдет.

Она улыбнулась и вручила мне ключ.

– Вы много общались с ним? С покойным?

– Только за завтраком и ужином. Мой сын, Натаниель, разговаривал с ним гораздо больше. Говорил, что он кажется очень хорошим и честным джентльменом, несмотря на свои странные взгляды. Он останавливался у нас до этого еще два раза, но в основном держался особняком. Если бы он только вернулся в Лондон, как планировал...

– Вы не знаете, почему он передумал?

– Знаю только, что он решил остаться еще на одну ночь в последнюю минуту. Бедняга!

Это соответствовало тому, что мне рассказывала Амелия. Она ожидала, что Тэд заедет к ней вечером семнадцатого. Интересно, что заставило его изменить свои планы?

– Тело нашел мой Нейт, – продолжала миссис Гримшоу. – Мне плевать, что говорят люди. Это ужас!

Я согласился.

– Если у вас будут какие-то поручения, сэр, например, сбегать куда-то, отнести письма, зовите моего Нейта. Он живет в комнате над конюшней, и на протяжении всего дня его можно найти в гостинице.

Она предложила принести мне какой-нибудь освежающий напиток, но я попросил тарелку жареных анчоусов. Она отправилась вниз, чтобы позаботиться об этом. Я тем временем начал распаковывать вещи и строить планы. Что я обязательно должен сделать в Дептфорде? Я не хотел соглашаться со словами Чайлда о том, что моряк с невольничьего корабля, который набросился на Тэда на причале, невиновен в его смерти. Люди наверняка слышали про тот случай, и я решил поспрашивать в тавернах в районе причалов и верфей. Может, удастся выяснить его имя.

На следующий день я собирался идти на частные причалы искать торговца, который заказал клеймо, мистера Манди. Возможно, там же я поспрашиваю и про мертвых рабов из корабельного журнала. Если корабль отправлялся в плавание из Дептфорда, то кто-то должен его помнить? Я все никак не мог понять, как и почему умерли все эти рабы.

Еще мне хотелось поговорить с Натаниелем Гримшоу, сыном хозяйки гостиницы. Он нашел тело и может знать, приходила ли какая-нибудь женщина к Тэду в гостиницу. «Он приезжал сюда, чтобы увидеть темного ангела», – сказала Синнэмон. Я вспомнил эти ее слова и

то, как на них отреагировал Моисей Грэм. Я подумал про даму в черной кружевной вуали на похоронах Тэда. Неужели это была она? Темный ангел Тэда?

Еще был опиум, который следовало изучить, а также серебряный жетон, который я нашел в квартире Тэда. Сначала я собирался отдать его Амелии, чтобы она могла продать его, но потом передумал. Сезонные билеты из серебра, латуни и золота часто выдавались в модных местах: садах удовольствий, театрах и залах собраний. Например, у нас с Каро имелся золотой жетон в Карлайл-хаус. Но Тэд ненавидел развлечения *bon ton*²⁶ и всегда очень гневно о них высказывался.

Такие билеты также использовались в первоклассных борделях и игорных домах, но у того Тэда, которого я помнил, никогда не было ни денег, ни склонности тратить на такие развлечения. Я считал, что стоимость этого билета представляла для него внушительную сумму. Значит, этот жетон был важен для Тэда, а важными для Тэда были только идеи, которым он служил. Может, этот жетон был связан с его расследованием и открывал двери какого-то места отдыха здесь, в Дептфорде? В этом городе определенно не наблюдалось недостатка борделей и других увеселительных заведений.

Наконец, общение Тэда с рабами с Дептфордского Бродвея. В частности, я хотел снова поговорить с мисс Синнэмон и узнать, что ей известно про дела Тэда в Дептфорде. Но сначала мне придется каким-то образом пробраться мимо ее владельца Люция Стоукса. Мне было интересно узнать, как он отреагирует на мое возвращение в город. Он беспокоится? Я надеялся, что да.

²⁶ *Bon ton* – хороший тон (*фр.*). В данном случае: развлечения светского общества.

Глава тринадцатая

Я спустился в обеденный зал, где на ужин собралось много народу. Миссис Гримшоу держала для меня столик в укромном уголке, и когда она меня к нему провожала, я услышал, что кто-то меня зовет. Это был хирург Джеймс Брэбзон, который в одиночестве ужинал в одной из кабинок.

– Рад снова видеть вас, капитан Коршэм, – улыбнулся он, глядя на меня поверх тарелки с рыбой в кляре и вареными овощами. – Собираетесь ужинать? Может, составите мне компанию?

Я ответил, что с удовольствием, думая, что мне полезно будет побеседовать с ним о городе и его обитателях. Еще у меня были к нему вопросы о травмах, полученных Тэдом.

Я устроился напротив Брэбзона в кабинке и слегка поморщился, когда ногу свела судорога.

– Нога беспокоит? – спросил Брэбзон. – В прошлый раз я обратил внимание на вашу хромоту.

– Немного. После путешествия всегда затекает и с трудом сгибается.

– Могу ли я спросить, что именно случилось?

– Моего коня подстрелили под Саратогой. Несчастное животное рухнуло на меня и сломало мне ногу в двух местах. Мне повезло, что я ее не потерял.

– Рад, что вы попали в хорошие руки. Слишком много хирургов сразу берутся за пилу, хотя сломанные ноги – это всегда проблема. Я и сам сейчас лечу пациента с такой травмой, молодого человека, с которым мы вместе ходили в море. Какое-то время у меня была надежда, но в рану попала инфекция. Я молюсь о чуде, но, боюсь, придется ампутировать.

Его вытянутое лицо выглядело мрачным в свете свечей – подобающе рассказанной истории. У него были густые изогнутые брови, впалые щеки с небольшим количеством оспин и подбородок с ямочкой. Одежда темных тонов и строгого кроя, белый накрахмаленный шейный платок. Его непудренные волосы и сильный шотландский акцент напомнили мне одного пуританина, жившего в прошлом веке, – одного из тех юристов прошлого, портреты которых висят в Линкольнс-Инне. Глаза его оказались не менее поразительными после того, как я пригляделся повнимательнее: один был ярко-карего цвета с янтарными и золотыми пятнышками, а второй – бледно-голубым, как северное озеро.

– Это называется гетероглаукос, – пояснил он, заметив мой интерес. – Редкая, но безобидная аномалия.

– Простите меня. Я не должен был вас так рассматривать.

Он улыбнулся, давая понять, чтонисколько не обиделся.

– Может, я и странный, зато в хорошей компании. Плутарх пишет, что у Александра Македонского были глаза разного цвета, а Анастасия I называли Дикором именно по этой причине. – Он кивнул на мою ногу, которую я вытянул так, что она торчала из-под стола. – У меня есть настойка опия, которая может вам помочь. Она ведь у вас сильно затекает? Приходите ко мне на Бродвей, буду рад вам ее выписать.

Я поблагодарил его и спросил:

– А сами ее принимаете?

– Да.

Этот вопрос его будто бы удивил.

– Я спрашиваю, потому что меня интересует, где в этом городе можно купить опиум.

– Есть одна берлога в квартале Ласкар. Это рядом с верхним плавучим затвором. Люди называют ее «Красный дом». Если вы собираетесь туда, чтобы отдохнуть и расслабиться, считая своим долгом попытаться отговорить вас. Этот маковый наркотик – опасная вещь. Делает

своих поклонников рабами. Один мой знакомый капитан сильно подсел на него – и это для него плохо закончилось.

– Я не собираюсь принимать его. Но, возможно, там его покупал мистер Арчер.

– Вы меня удивили. Обычно я могу определить, что человек употребляет опиум. Я не видел у вашего друга никаких признаков. – Он с любопытством осмотрел меня. – Вы вернулись в город из-за убийства Арчера?

– Да, много вопросов осталось без ответа. Я не знал, что вы встречались с Арчером при жизни.

– Мы один раз ужинали вместе и провели приятный вечер, споря о рабстве. Конечно, я знал его, как Валентайна. В Дептфорде не так много культурных и образованных людей, поэтому я обычно стараюсь общаться с интересными людьми, которые приезжают в наш город. В следующий раз я встретился с ним, когда он обратился ко мне за медицинской помощью. У него возникли проблемы на причале.

– Это та драка, про которую мне рассказывал Чайлд?

– Он упоминал ее? – Брэбзон выглядел слегка удивленным. – Бедного мистера Арчера здорово отделали. Я долго занимался им.

– Я и не знал, что его сильно избили.

– Пара сломанных ребер и синяки. У противника были кольца на пальцах, поэтому лицо мистера Арчера сильно пострадало. Если бы мистер Чайлд тогда не вступился, могло бы быть еще хуже. Я посоветовал постельный режим, и Арчер отправился в Лондон. Я был удивлен, когда он вернулся. Ваш друг, капитан Коршэм, был очень упрямым человеком. Это я вам точно могу сказать.

Меня охватил гнев. Чайлд говорил, что Тэду просто разбили нос. Чертов лжец. Я не сомневался, что это было то покушение, про которое Тэд рассказывал Амелии.

– Вы знаете, как зовут того, кто набросился на мистера Арчера?

Брэбзон сделал глоток вина и снова наполнил свой стакан перед тем, как ответить:

– Мне кажется, я никогда не знал его имя.

К нашему столу подошла миссис Гримшоу и поставила передо мной тарелку с анчоусами, а также небольшую корзинку с хлебом и стакан желтого вина. Брэбзон этим воспользовался, чтобы сменить тему:

– Сколько времени вы провели в Америке?

– Шесть лет, до Саратоги. Я бросил Оксфорд, чтобы пойти в армию.

– Что заставило вас сделать это?

– То же, что и всех, – улыбнулся я. – Женщина.

Брэбзон понимающе скривился:

– Ваша история – зеркальное отражение моей. Я учился на врача в Глазго, пока не попал под чары Евы. Потерял голову и бросил учебу. В моем случае – сбежал на невольничьем корабле.

– А вы не думали закончить учебу и получить диплом? Сейчас в лондонском обществе большой спрос на шотландских врачей.

– Денег в работорговле гораздо больше. Я надеюсь вскоре приобрести собственный корабль. – Брэбзон поднял свой стакан.

У меня не было желания пить за его успех, но я приехал сюда не для собственного удовольствия. Я произнес обычные банальности и глотнул кислого вина.

– Я думал про травмы мистера Арчера, – снова заговорил я. – О пытках, которые ему пришлось вынести. Мистер Чайлд предполагает, что это было наказанием за его взгляды на работорговлю, но я не уверен, что он прав. Я согласен, кнут обычно используют для наказания рабов, но клеймо-то – это просто знак чьей-то собственности.

– Насколько я понимаю, клеймение иногда тоже используют как наказание. Но на плантациях, а не на невольничьих кораблях.

– А тиски для пальцев? Вы когда-нибудь применяли их в качестве наказания?

Он выглядел оскорбленным.

– Только для получения информации – и только когда на кону стояли жизни людей. Я не чудовище, сэр.

– Я просто думаю: не использовались ли тиски в случае Арчера в традиционных целях?

– Чтобы вытащить из него информацию? Но что убийце могло понадобиться от него?

Я решил, что не будет никакого вреда, если я расскажу ему о письмах с угрозами.

– Кто-то отправлял Арчеру письма с требованиями прекратить задавать вопросы в Дептфорде. Может, убийца хотел узнать, как много Арчеру удалось выяснить?

– Я могу подтвердить, что он задавал вопросы. Он платил морякам, чтобы они рассказали ему об условиях жизни на невольничьих судах. Больше всего его интересовали рассказы о жестоком обращении с рабами. Он разговаривал и с некоторыми неграми на Бродвее. Это вызвало переполох.

Я подумал про корабельный журнал и черепа. Вопросы Тэда касались одного конкретного корабля и одного конкретного рейса? Не поэтому ли моряк напал на него?

– Вы можете вспомнить что-то еще? Что Арчер говорил про свои дела в этом городе? Вы не в курсе, может, он встречался здесь с женщинами?

Брэбэзон с хирургической точностью извлекал из своей рыбы кости.

– Я не помню, чтобы он упоминал какую-то женщину. Мы в основном говорили абстрактно – о философских вопросах. Что Фома Аквинский писал о рабстве и все в таком роде.

– Вы пришли к каким-нибудь выводам?

– Только, что старина Аквинский пытался усидеть на двух стульях. – Брэбэзон улыбнулся. – А как мистер Чайлд отнесся к вашему возвращению в город?

– Бурной радости не выказал. И компенсировал отсутствие поддержки откровенным советом.

– Могу себе представить. – На губах Брэбэзона промелькнула улыбка. – Чайлд довольно резок и прямолинеен в своих суждениях, но он держит под контролем самых опасных типов в этом городе. Торговцы любят его, потому что благодаря ему воровства на причалах и складах стало значительно меньше.

– Он явно получил благословение мэра.

– Если бы не получил, то долго в Дептфорде не продержался бы. Люцию Стоуксу принадлежит половина города.

– Он популярен? Я про Стоукса.

– Я бы сказал, что его уважают. Говорят, у него связи в Уайтхолле и с Вест-Индским лобби. Новый Вест-Индский причал станет испытанием его силы и связей. У него есть сильный конкурент, Уоппинг, но Стоукс уверен, что ему удастся убедить министерство построить причал здесь, в Дептфорде. – Он приподнял брови. – Что касается мистера Чайлда, то ему приходится ступать очень осторожно и маневрировать между торговцами с Бродвея и людьми со Стрэнда, а также между городом и военно-морской верфью. Каждый раз, когда что-то на верфи пропадает, Адмиралтейство сразу показывает пальцем на Дептфорд.

– Кажется, быть здесь магистратом – неблагоприятная работа.

Брэбэзон как-то странно улыбнулся:

– Я уверен, что есть свои плюсы.

Мне хотелось задать еще несколько вопросов, но дверь в обеденный зал распахнулась и вошел молодой человек в парике из конского волоса. У него было худое красивое лицо,

бархатные зеленые глаза горели от возбуждения. Я сразу же узнал его – это он показывал мне на днях столик, за которым сидел Чайлд. Он рассеянно кивнул мне и обратился к хирургу:

– Он зовет вас, сэр. Вы подойдете?

Брэбэзон уже поднимался из-за стола.

– Мой пациент, – объяснил он мне. – Парень со сломанной ногой. За ним ухаживают миссис Гримшоу и ее сын. Мне очень жаль прерывать наш разговор, капитан Коршэм. Может, продолжим в следующий раз?

Я ответил, что буду только рад, мы поклонились друг другу, и они ушли. Заканчивая ужин, я думал о нашем разговоре. Если бы не моя цель и не его участие в работоторговле, я наслаждался бы обществом умного и учтивого Брэбэзона. Хотя я почувствовал сдержанность, когда спрашивал, кто напал на Тэда на причале.

Хирург, использующий тиски для пальцев. Типичный дептфордский парадокс. И очередное напоминание: нельзя никому доверять.

Глава четырнадцатая

После наступления темноты трущобы в районе причалов и верфей вызывали тревогу. Лабиринт узких улочек, спускавшихся к реке, состоял из борделей и дешевых пивных, полуразвалившихся и ветхих домов. Мансарды нависали над головой, закрывая ночное небо и эхом отражая звуки жизни Дептфорда. Мужчины разговаривали пьяными голосами и смеялись. Любовники выясняли отношения или совокуплялись, не обращая ни на кого внимания. Где-то на верхних этажах какой-то ирландец пел о доме, а женщина кричала, чтобы папистский ублюдок заткнулся.

Как Чайлд и предупреждал, моя военная форма вскоре привлекла внимание некоторых представителей низших слоев города. Мне пытались перекрыть дорогу проститутки, явно зараженные сифилисом, из тени за мной наблюдали чьи-то еще глаза. Какое-то время за мной шли двое мужчин, тяжело и громко ступая, пока я не показал им свой меч и пистолет. Тогда они отстали, но я все равно не терял бдительности, следил за каждым шорохом и мелькающими в темноте силуэтами.

Я искал таверну, в которой могли бы пить моряки с невольничьих кораблей, и нашел такую рядом с набережной. Таверна называлась «Черная голова», на вывеске был изображен мальчик-африканец в рабском ошейнике.

В зале меня встретила такая смесь пота и дешевого вест-индского табака, что у меня заслезились глаза. Помещение было забито суровыми мужчинами, которые много пили, и их шлюхами. Они говорили с акцентом, характерным для Льюишема и Дептфорда: смесь грубого кокни²⁷ из Восточного Лондона и так называемого широкого кентского диалекта. Время от времени я слышал и другие языки: голландский, португальский, возможно русский. Я не видел никого, кто подходил бы под те детали портрета напавшего на Тэда человека, которые мне удалось вытянуть из Чайлда и Брэбэзона.

Я пробрался к бару, расталкивая посетителей локтями.

– У нас есть ром и есть пиво, дружище, – поприветствовал меня бармен. – Что убьет тебя первым?

Завитой парик сидел на нем криво, из-за него на лбу у бармена высыпали прыщи. На желтой жилетке висела медаль за службу в военно-морском флоте. Я попросил пиво, и он наполнил грязную на вид кружку густой жидкостью с запахом дрожжей из кувшина.

– Ищите компанию, дружище? Нежную и благоухающую?

– Вообще-то я бы поиграл в кости.

Он посмотрел на меня, как смотрят на откормленного теленка.

– Можно и в кости. Я знаю людей, которые составят вам компанию.

– О, я уже знаю человека, с которым хочу сыграть. Мой друг сказал, что он играет лучше всех в городе. Он описал мне его, но пока мне не удалось его найти.

– Может, я его знаю? Попробуйте мне его описать.

– Моряк с невольничьего корабля. Крупный мужчина, носит несколько колец на пальцах. В прошлом месяце, когда мой друг приезжал в ваш город, этого мужчину сильно укусили за руку.

Бармен почесал жесткие волосы, торчавшие из ворота рубашки, и я был уверен, что увидел, как по ним пробежала вошь.

– Вы уверены, что не хотите сыграть с моими ребятами?

– Я всегда играю только по рекомендации. Если я ставлю золото, то не хочу рисковать напороться на меченые кости. Я, конечно, не хотел оскорбить ваших друзей.

²⁷ Кокни – один из самых известных типов лондонского просторечия.

– Я и не оскорбился.

Я видел, что бармену понравилось упоминание золота, и предполагал, что, как и большинство владельцев таверн, он ожидает получить с игры свою долю. Но он все равно колебался.

Я открыл кошель, чтобы заплатить за пиво, достаточно широко, чтобы он увидел в нем золотые монеты. Этого соблазна оказалось достаточно.

– Вам нужен Фрэнк Дрейк. По крайней мере, ваше описание очень ему подходит.

Я улыбнулся:

– Такое имя трудно забыть.

– Он называет себя его потомком²⁸, хотя это, вероятно, чушь собачья. Примерно месяц назад Дрейка здесь укусил какой-то паразит, и, говоря «паразит», я имею в виду человека. Я уверен, что вы ищете именно Фрэнка.

– Вы знаете, где мне его найти?

Бармен вышел из-за стойки и направился к одному из столов, за которым трое мужчин курили длинные голландские трубки. Он прошептал им несколько слов, они бросили взгляд на меня и освободили стол. Бармен похлопал по нему ладонью и улыбнулся:

– Присаживайтесь, дружище. Я позову Дрейка.

* * *

Я сразу понял, что это Дрейк, едва он вошел в таверну. Он был высокий и крепкий, как стена. Когда шел, покачиваясь, сквозь заполненную людьми таверну, они расступались перед ним, освобождая проход. Когда-то он наверняка был поразительно красивым мужчиной, но теперь его лицо кирпичного цвета опухло от излишка эля, и он уже начал терять свои длинные льняные волосы. Его бирюзовый сюртук был расшит золотой нитью, а сапоги, похоже, смастерили из итальянской кожи. На каждом огромном кулаке блестело по несколько колец.

Бармен кивнул на меня, Дрейк приблизился к столу, за которым я сидел, и обнажил белые зубы в улыбке.

– Фрэнк Дрейк, – протянул он руку. – Готов опалить любую бороду, но только не проси меня катать шары²⁹. Не моя игра!

Похоже, он использовал эту фразу далеко не в первый раз. Я покорно улыбнулся:

– Только кости, мистер Дрейк.

Он говорил с местным акцентом, а его рукопожатие было до боли крепким. Я задавался вопросом, не станет ли он подробно расспрашивать меня про моего мифического друга, с которым он когда-то играл в кости, и уже подготовил несколько туманных ответов. Но они мне не потребовались: Дрейк, похоже, горел желанием побыстрее приступить к делу и опустошить мой кошелек.

Он привел с собой еще двух игроков, наверное, тех, с кем играл в кости в другой таверне, из которой их вытянул бармен. Один – худой и смуглый, с грубо набитой татуировкой обнаженной женщины на огромном бицепсе. У него, как и у Дрейка, были собственные длинные волосы. Я предположил, что на борту невольничьих судов не требовалось носить парики. Третьим был упитанный тип, одетый как торговец, со здоровым цветом лица и светлыми усами в стиле роялистов³⁰. Он говорил с фламандским акцентом, и по большей части его было трудно понять.

²⁸ Имеется в виду сэр Фрэнсис Дрейк – английский капитан, военно-морской офицер, исследователь.

²⁹ Шутка основана на двух историях о Фрэнсисе Дрейке: атаке, известной как «опаливание королевской бороды», и легенде об игре боулз перед битвой с испанской армадой. (Прим. ред.)

³⁰ Роялисты копировали стиль короля Карла I, который носил подкрученные усы и острую бородку, и, глядя на его портреты, все франты скопировали их.

Мы сыграли в хэзард³¹ – игру, которую любил мой отец. Я вспомнил его для вдохновения, решив изобразить джентльмена, который думает, что играет в кости гораздо лучше, чем на самом деле. Сначала они давали мне выиграть. Почти каждый раз, когда я бросал кости, выпадали очень удачные цифры, и вскоре передо мной на столе уже собралась небольшая горка монет в половину гинеи. Бармен часто подходил к нашему столу, щедро подносил ром и эль.

Я сказал им, что приехал в город по делу, и все подняли тост за успех моих инвестиций. Я узнал, что Дрейк ждет следующего рейса невольничьего корабля, но его судно задержалось в порту. Исаак, мужчина с татуировкой, недавно вернулся со службы на борту корабля, который преследовал французов в Северной Атлантике после получения каперского свидетельства³². Голландец сказал, что провел в порту только два дня, и я догадался, что двое других решили просто использовать его, как и я. Больше всех за столом говорил Дрейк: подшучивал над собственным невезением, делился своим мнением по разным темам, от женщин до скачек и вероломства военно-морского флота. Вчера вечером их люди насильно завербовали дюжину пьяных в одной из таверн.

– Бедняги проснутся с больной головой и обнаружат, что идут, подгоняемые ветром, по Соленту³³. Я патриот, капитан, но это неправильно.

Мы играли уже около часа, и игра стала поворачивать не в мою пользу. Если говорить метафорически, стоило потрясти дерево, иначе я лишусь последней рубашки.

– Вы слышали про этого мертвого аболициониста, которого нашли на причале? – спросил я. – Его повесили на крюке с перерезанным горлом.

– Слышали, – ухмыльнулся Исаак. – Его еще и пытали. Вероятно, выль перед смертью.

Я сделал глоток из кружки, чтобы скрыть свою ярость.

– Я не понимаю аболиционистов, – заявил я, когда снова смог говорить спокойно. – Мы с таким же успехом можем вручить ключи от Банка Англии французам. Хотел бы я угостить стаканчиком того, кто его прикончил.

– Да мы все хотели бы, – признался Исаак.

– Я слышал, они сцепились не в первый раз, – беспечно продолжал я. – Говорят, около месяца назад убийца дрался с покойником здесь недалеко, на причале. Наш парень уже тогда мог с ним покончить, но было слишком много свидетелей. Поэтому он вернулся, чтобы завершить начатую работу.

Кости бросал Дрейк, но он не посмотрел, что выпало. Он глядел на меня, все веселье погасло в его голубых глазах, и они стали ледяными.

– На вашем месте я бы проверял факты перед тем, как распространять слухи, капитан. Человек, который дрался с ним на причале, не убивал его.

– Вы уверены? – спросил я, словно не замечая, как изменилось его настроение. – Человек, который рассказал мне это, не сомневался, что так и было.

– Да, я уверен. Я был там.

Исаак опять ухмыльнулся и изобразил в воздухе борцовские удары, потом поднял кружку, чтобы выпить за здоровье Дрейка.

– Это были вы? – закричал я в полном изумлении.

– Да, и я знаю, что не убивал его, потому что в то время, когда он отправился на встречу с Создателем, я был в бане – той самой, которая в публичном доме. От заката до рассвета развлекался с чернокожей красоткой. – Он пристально посмотрел на меня. – Так что следите за языком.

³¹ Хэзард – игра в гости с двумя кубиками.

³² Каперское свидетельство – правительственный документ, разрешающий частному судну атаковать и захватывать суда, принадлежащие неприятельской державе. Во время действия романа частные лица использовали для этого специально вооруженные суда.

³³ Солент – пролив между южным побережьем Англии и островом Уайт.

– Моя ошибка, – признал я весело. – А что вы вообще не поделили?

– Он задавал слишком много вопросов. А теперь бросайте чертовы кости.

Задавал вопросы. В этом же Тэда обвинял автор анонимных писем.

Мы поиграли еще немного, и снова стало весело. Кости явно меченые или как-то еще обработанные, потому что падали так, чтобы заставить голландца несколько раз по-крупному рискнуть. Вскоре он проиграл уже десять гиней. Я играл более осторожно, к большому разочарованию Исаака и Дрейка.

– Конечно, мы все знаем, зачем этот аболиционист приезжал в город, – сказал я через некоторое время.

– Раздавал брошюры, – хмыкнул Исаак. – Такие бумажки, которыми зад вытирают.

– Я слышал кое-что еще. Он приезжал из-за рабов, которые умерли на том корабле.

За столом воцарилось молчание, только голландец что-то бурчал себе под нос о том, как ему не везет.

– Каких рабов? – В голосе Дрейка явно звучала угроза.

– Там их погибло свыше трехсот. Вот это был рейс! А кто-то знает историю целиком? Как именно они умерли?

Дрейк стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнули и кости, и голландец:

– Какого дьявола?!

– Успокойся, Дрейк. – Исаак многозначительно посмотрел на стопку монет передо мной. – Он только повторяет то, что слышал. Он тебе не угрожает и не имел в виду ничего дурного. – Исаак успокаивающе улыбнулся мне.

– Конечно, я никого не хотел оскорбить, – кивнул я. – Это же просто рабы, правда? Никто не станет их оплакивать. Кому они нужны?

– Только хлопковым полям.

Исаак опустил указательный палец на край кружки с элем, потом щелкнул по нему другой рукой, и палец опустился в эль с легким всплеском. Он несколько раз повторил эти странные действия, и я понял, что это одна из его пантомим.

– Тяжкая работа, да, Дрейк? – Исаак подмигнул: – Подходит для тех, кого мучает жажда.

– Заткнись. Оба заткнитесь. – Дрейк с грохотом отодвинул стул. – Игра закончена.

Исааку это не понравилось. Они только начали возвращать деньги, которые позволили мне выиграть.

– Боже, Дрейк! Еще одиннадцати нет.

– Я сказал: все! – Дрейк сгреб деньги рукой и широким шагом вышел из таверны.

Исаак нахмурился, но последовал за ним. Мы с голландцем озадаченно переглянулись, и я убрал выигрыш в карман. Бармен выглядел испуганным, но предложил найти для меня других игроков. Я отказался и, допив эль, тоже вышел из таверны.

Дрейку не понравилось, когда я заговорил про его драку с Тэдом, но ему еще больше не понравилось, когда я заговорил про мертвых рабов. Я подозревал, что он был одним из моряков на том корабле. Наверное, Тэд стал расспрашивать его об этом, и Дрейк избил его до полусмерти. Я считал, что он способен и на пытки, и на убийство. Завтра вечером я загляну в тот публичный дом с баней и проверю алиби, которое удовлетворило Чайлда.

И все же Дрейк был просто моряком на невольничьем корабле. Его едва ли можно было назвать могущественным врагом. Если он убил Тэда, то, возможно, действовал по чьему-то указанию? Может, смерть этих рабов каким-то образом поддерживала убежденность Тэда в том, что он может покончить с рабством? Из всего, что он говорил Амелии, можно было сделать вывод, что это была не просто мелкая ссора в Дептфорде.

Когда шум таверны остался далеко позади, я понял, как тихо в узких переулках у реки. Воздух еще не остыл после теплого дня, а мерзкие запахи не развеялись в темноте. Булыжники

были скользкими из-за валявшихся повсюду водорослей, в тени носились крысы. Я услышал у себя за спиной шум – ногой задела камень? – и повернулся, доставая пистолет.

– Кто здесь?

Я ждал, прислушиваясь. Я понимал, что Дрейк с Исааком вполне могут посчитать меня незаконченным делом. Я больше ничего не услышал и вскоре пошел дальше, вспоминая странную пантомиму Исаака. Его палец снова и снова падал в эль. Мог ли экипаж утопить рабов? Судя по реакции Дрейка, что-то там было нечисто, и я пытался найти хоть какую-то правдоподобную причину, объясняющую, зачем команде корабля уничтожать свой собственный груз.

Я все еще пытался разгадать эту тайну, когда в конце переулочка из тени выступили две темные фигуры и загрохотали мне дорогу. Один был худым и гибким, второй – как стена. В руках мелькнули ножи. Исаак и Дрейк.

Дрейк увидел мой пистолет с ударно-кремневым замком и выкрикнул что-то в предупреждение. Исаак то ли не понял его, то ли решил, что успеет добраться до меня прежде, чем я выстрелю. Если второе, то он сильно ошибся. Он бросился на меня, а я вскинул пистолет и нажал на курок. Белая вспышка, запах горелого пороха, грохот, разнесшийся по всей округе. Исаак схватился за грудь и удивленно рассмеялся. Потом рухнул наземь.

Дрейк видел, что у меня нет времени перезаряжать пистолет, и понесся на меня, как разъяренный бык. Мы рухнули на камни, и я приземлился очень неудачно – больная нога подогнулась подо мной. От боли из глаз посыпались искры. Мне все же удалось нанести парочку хороших ударов по голове Дрейка – пока он не прижал нож к моему горлу.

Он поднял меня на ноги, вытащил мой меч из ножен и отбросил его подальше вместе с пистолетом.

– Кто тебя прислал? – У Дрейка изо рта тошнотворно воняло ромом. – Что ты знаешь про тот рейс? Черт тебя побери, говори!

Я знал, что он убьет меня, что бы я ни сказал. Мне и раньше доводилось видеть этот холодный решительный взгляд. Я напрягся, готовясь нанести удар: двинуть коленом в пах, потом схватить руку с ножом. Если только Дрейк не успеет перерезать мне яремную вену.

– Говори, солдатик, или я порежу твое красивое личико. Кто прислал тебя сюда задавать вопросы про этот корабль?

– Никто никого сегодня ночью резать не будет, – заговорил из темноты новый голос.

Дрейк резко развернулся. У него за спиной стоял Перегрин Чайлд с жезлом, положенным ему по должности, в одной руке и пистолетом в другой.

– Ты слышал, что я сказал, Фрэнк. Убери свою игрушку, пока никто не пострадал.

– Это не твое дело, Перри, – нахмурился Дрейк.

– Как раз мое. Делай, что я сказал. Мы с тобой хорошие друзья. Давай ими и останемся.

– Он убил Исаака.

Я опустил глаза на человека, которого застрелил. По его рубашке в районе груди растекалось черное пятно.

– Это была самооборона, – заявил я. – Эти люди напали на меня.

– Мне кажется, вы в расчете, – заметил Чайлд. – Больше вам спорить не о чем. Или хотите, чтобы дело закончилось у меня в суде?

Я мог бы настоять на аресте Дрейка, но не очень верил в правосудие Дептфорда. Смерть Исаака также осложняла дело. Мне совершенно не хотелось, чтобы обо мне писали в газетах, обвиняя в убийстве, несмотря на все смягчающие обстоятельства.

– Я не буду спорить, – сказал я.

Я видел, что Дрейку не нравится, как обернулось дело, но он положил нож в карман и отошел.

– Хорошо, – кивнул Чайлд. – Думаю, ты, Фрэнк, можешь отнести старину Исаака искупаться, а я пока провожу капитана Коршэма в гостиницу.

Дрейк злобно посмотрел на меня, взглядом обещая новую встречу.

– Могу, – сказал он.

– Если повезет, приливом его отнесет к Гринвичу. Пусть Исаак будет их проблемой, а не нашей, да?

Дрейк что-то недовольно буркнул себе под нос и склонился над Исааком. Первым делом он проверил его кошель, потом обшарил одежду друга и забрал себе все, что нашел. Чайлд смотрел в другую сторону, насвистывая какую-то мелодию. Я ощупал все вокруг в темноте, пока не нашел меч и пистолет. Затем мы с Чайлдом пошли в направлении Дептфорд-Грина.

– Вы следили за мной, мистер Чайлд? – спросил я.

– Я предупреждал вас, капитан Коршэм, что в этих переулках нужно быть очень осторожным. Советую вам больше не играть в кости.

– Они набросились на меня, потому что я расспрашивал Дрейка про убийство Арчера. Если Дрейк – лучший пример невиновного человека в Дептфорде, то я с ужасом думаю о том, что представляют собой виновные.

– Я же говорил вам: у Дрейка надежное алиби.

– Еще вы говорили, что он просто разбил Арчеру нос. Тоже вранье.

Остаток пути мы шли молча, и нам обоим было некомфортно рядом друг с другом. Когда мы добрались до «Ноева ковчега», Чайлд своим жезлом перекрыл мне путь внутрь.

– Возвращайтесь домой, – сказал он мне. – Здесь вам нечего делать. Не рассчитывайте, что я всегда буду вашей нянькой.

– Если бы вы просто выполняли свою работу, я бы с радостью уехал.

Он выругался себе под нос – я уловил только слова «Лондон» и «ублюдок».

– Свою голову подставляете, – сказал он и ушел.

Глава пятнадцатая

Били барабаны, трещали мушкеты. Тысячи красных мундиров заполняли все пространство, какое я только мог видеть. Офицеры в панике выкрикивали приказы, среди их голосов звучал и мой голос, пока дикий грохот артиллерийской пушки не заглушил все звуки. Взрыв – и вверх взлетели земля, дым и кровь, и поглотили все. У меня во рту смешались кровь и селитра.

В едком тумане я с трудом различал пошатывающиеся фигуры. Я приказал солдатам вернуться в строй, но они продолжали идти, как шли, и кровь текла из их ушей. Пушки снова загрохотали – и я проснулся.

Мое сердце бешено колотилось, постельное белье промокло насквозь. Я все еще слышал треск мушкетов, но в конце концов осознал, что это цокот копыт по булыжникам за окном. В один ужасный момент все прояснилось, и я вспомнил, что нахожусь в Дептфорде, а Тэд мертв.

Я подошел к раковине и плеснул водой себе в лицо. Моя нога дико болела после встречи с Дрейком в переулке прошлой ночью. Хромая, я дошел до окна, посмотрел на конюшню и на набережные за ее крышей. Сейчас такие сны мучили меня гораздо реже, но все равно каждый раз от них до сих пор мою душу будто сковывало льдом. Я подумал о несчастных мальчиках, которым вскоре предстоит взойти на борт кораблей, стоящих на военно-морской верфи. Я почти не думал про Исаака, которого убил прошлой ночью. Гораздо лучшие люди погибали от моей руки на поле битвы – и с гораздо меньшими основаниями.

Конюх перекидывал солому во дворе внизу, большая черная собака спала на солнце. Какой-то джентльмен в черном сюртуке пересек двор, и я узнал Джеймса Брэбэзона, который, вероятно, вернулся проведать своего пациента. Хирург поднялся по ступеням сбоку конюшни, которые вели в комнату наверху. Брэбэзон постучал, ему открыл тот же молодой человек, который вчера вечером подходил к нашему столу. Я предположил, что это и есть Натаниель Гримшоу, сын хозяйки гостиницы. Они с хирургом зашли в комнату, Натаниель снова появился через пару минут. Он сбежал вниз по лестнице, остановился, чтобы погладить собаку, и зашел в конюшню. Я быстро оделся и пошел искать его.

Двор окружали хозяйственные постройки, воняло навозом. Каменный проход, достаточно широкий для кареты, вел из двора прямо на Дептфорд-Грин. Черный пес поднял голову, чтобы посмотреть на меня, когда я проходил мимо. Я нашел Натаниеля в стойле, где стоял мой Зефир. Парень вытирал щеткой его серебристые бока. На вид парню было лет семнадцать. Он был в одной рубашке, и я сразу заметил, что он хорошо сложенный и очень мускулистый для его возраста. Зефир радостно заржал при виде меня, Натаниель повернул голову и улыбнулся.

– Натаниель Гримшоу? Капитан Коршэм. Живу в гостинице.

Он поклонился:

– Моя мать сказала мне. Вы приехали в город по делам, сэр?

– В некотором роде. Я друг человека, которого ты нашел убитым на причале. Я пытаюсь больше узнать о том, что с ним случилось.

Натаниель настороженно смотрел на меня своими мягкими зелеными глазами.

– Мистер Валентайн был вашим другом, сэр?

– Его настоящее имя – мистер Арчер. Да, был.

– Мне он представлялся Валентайном, – упрямо произнес парень. В голосе звучала обида.

– Думаю, у него были веские причины не называть свое настоящее имя. Можно я задам тебе несколько вопросов о его пребывании в Дептфорде?

– Я уже рассказал мистеру Чайлду все, что знал.

– Мне хотелось бы услышать все от тебя. Я дам тебе шиллинг за потраченное время.

Шиллинг его заинтересовал.

– Я все расскажу, сэр. Мне нечего скрывать.

– Мистер Чайлд сказал, что это ты нашел труп.

– Все правильно. – Во время разговора он продолжал чистить моего коня. – Я почти каждую ночь дежурю рядом с городскими причалами, патрулирую территорию у складов каждые два часа между полуночью и шестью часами утра. Я вышел покурить после четырехчасового обхода и увидел, что он висит там.

– Больше ты никого не видел?

– Все было тихо. Было несколько рыбаков, которые пришли позднее, но тот, кто его убил, уже давно смотался.

– Наверное, это было для тебя тяжким испытанием.

– Я видел кое-что и похуже. – Он говорил натянутым голосом, и я видел, что это ложная бравада. – Многие люди в городе считают, что он сам напросился.

– А ты?

– Не знаю. Нет. На самом деле нет.

– Твоя мама сказала, что мистер Арчер и раньше останавливался в вашей гостинице.

– Три раза, включая последний. Первый раз он приехал примерно восемь недель назад. Второй – через четыре или пять недель после первого. Каждый раз жил по нескольку дней. За исключением последнего, тогда он ночевал у нас только две ночи.

Натаниель набросил попону на спину Зефира и наполнил кормушку овсом из мешка.

– А ты помнишь тот случай, когда его избили? У него были сломаны ребра, разбито лицо.

– Да, сэр, это произошло в его второй приезд. Мистер Чайлд привел его сюда, а меня отправил за мистером Брэбзоном.

– На него у причала набросился моряк по имени Фрэнк Дрейк.

Вернулась настороженность.

– Об этом я ничего не знаю, сэр.

– А с Дрейком ты знаком?

Натаниель отвел взгляд.

– Немного. Он был другом моего отца. Они вместе ходили в море. – Парень нахмурился. – Я только что кое-что вспомнил. Один раз мистер Арчер задавал мне много вопросов. Хотел знать, не видел ли я, кто оставил ему здесь письмо.

Я отметил про себя быструю смену темы – наверное, одно упоминание Дрейка так действовало на людей, – но решил все же послушать, что скажет Натаниель.

– А ты видел, кто оставил письмо?

– Нет, не видел. И мама не видела.

– Когда это было? В какой его приезд?

Парень на мгновение задумался:

– Во второй. До того, как его избили.

Я подумал, что речь, вероятно, идет об одном из писем с угрозами и что его автором мог бы быть Дрейк.

– К Арчеру приходили посетители? Ты помнишь, куда он ходил и с кем виделся?

– Большую часть времени его в гостинице не было. Никаких посетителей, кроме мистера Брэбзона и мистера Чайлда, я не помню.

– А женщины? – спросил я, снова думая про темного ангела и даму в черной кружевной вуали на похоронах Тэда.

Натаниель с любопытством посмотрел на меня:

– Нет, сэр, женщин он сюда не приводил. Один раз я видел, как он направляется на восток, к Гринвичу. Люди говорят, что он пытался взбаламутить негров на Бродвее, но я сам ничего подобного не видел.

– Твоя мама сказала, что ты выполняешь поручения постояльцев гостиницы. Ты что-нибудь делал для него?

– Один раз принес ему горячий пирог. Бутылку джина. – Натаниель улыбнулся, на щеках появились ямочки. – Если вам что-то потребуется, сэр, только позовите меня или найдите. Днем я здесь, а по ночам в районе городских причалов, на складе Гэррауэя.

– Вполне вероятно, я так и сделаю. А сейчас мне нужно попасть на частные причалы. Ты можешь меня проводить? За это получишь еще один шиллинг.

Я знал, как туда попасть, заблудиться было невозможно, но Натаниель только начал немного расслабляться, и мне хотелось получше с ним познакомиться. Раз он живет в гостинице, то должен много всего слышать.

Его лицо прояснилось.

– Подождите меня минутку, сэр.

Я подождал, пока он закроет конюшню и наденет синий сюртук с латунными пуговицами.

– Пошли, Яго, – свистнул Натаниель.

Собака вскочила, подбежала к Натаниелю, и мы вышли на Дептфорд-Грин. Прямо перед «Ноевым ковчегом» стоял мужчина с желтым попугаем на руке. Прохожие давали монетки, чтобы попугай что-нибудь сказал им.

– Боже, храни короля, – пронзительно прокричала птица. – Джордж Вашингтон – сукин сын.

– Мне хотелось бы иметь говорящую птицу, – признался Натаниель. – Интересно, откуда она?

– Думаю, из какой-нибудь американской страны. Возможно, из Бразилии.

– Папа один раз плывал в Бразилию. Он познакомился в Элмине³⁴ с каким-то португальцем, у которого на корабле не хватало помощника капитана. В Рио им удалось продать груз совершенно дерьмовых негров как лучших африканских рабов. Знаете, одни хрящи, а спрос как на отличное мясо с косточкой. Папина доля составила двести фунтов стерлингов.

– Предприимчивый человек, – заметил я таким нейтральным тоном, на который только был способен.

– Да, сэр, он был очень предприимчивым. – На этих словах его голос дрогнул. Я вспомнил, что миссис Гримшоу носит вдовий наряд, и догадался, что отец Натаниеля умер не так давно.

Мы шли тем же путем, которым я в предыдущий день шел с Чайлдом, – вдоль высокой стены, ограждавшей частные причалы. Усталые рыбаки и проститутки тащились домой с ночным уловом. Возчики угля и портовые грузчики, наоборот, только приступали к работе. На другой стороне улицы работали таверны, и я задумался, закрываются ли они вообще когда-нибудь.

– Ты присутствовал, когда мистер Чайлд разбирал вещи Арчера после убийства?

– Я впустил их в номер, но мистер Чайлд велел мне подождать снаружи.

– Чайлд приходил не один?

– Вместе с негром мэра Стоукса. С тем, который одевается, как светский человек.

– С секретарем Сципионом?

– Да, с ним.

– А когда это было?

– В то утро, когда мы нашли вашего друга. Я отвез тело на телеге к Брэбэзону. Потом вернулся в «Ноев ковчег», а мистер Чайлд с этим негром уже были там.

³⁴ Элмина – имеется в виду форт в Гане у окрестностей одноименного города и мыса на берегу Гвинейского залива. Англичане называли его фортом Святого Георгия, это первый форт, построенный европейцами в тропической Африке, и он быстро стал одним из центров работорговли.

Я подумал, что Стоукс и Чайлд действовали очень быстро для людей, которые будто бы не особо были настроены на поиск убийцы. Интересно, они искали что-то конкретное? То же самое, что и тот человек в квартире Тэда? То, за чем Тэд приехал в Дептфорд?

Яго обнюхивал куриную косточку, и Натаниель подозвал его к себе.

– А вы были в Америке, капитан Коршэм?

– Какое-то время, пока не сломал ногу.

– У моего друга Дэнни сломана нога. Брэббзон говорит, он может ее потерять.

– Он и мне это говорил. По крайней мере, твой друг в хороших руках.

– Да, сэр, самых лучших, – сказал он резко, и эта перемена меня удивила. Он поддел ногой камушек, и тот полетел по улице. – Я сам вскоре отправлюсь в путешествие – посмотреть мир. На невольничьем корабле, не солдатом. Меня ждет место на корабле моего отца. Одним из помощников капитана.

Я не заметил в его голосе особого энтузиазма. Неудивительно. Я читал, что каждый третий моряк на невольничьем корабле умирает в море. Мне было грустно думать, что этому впечатлительному молодому человеку придется участвовать в работорговле и что он может опуститься и стать грубым и жестоким, как Фрэнк Дрейк.

– Чайлд говорил мне, что сейчас в этой сфере трудно найти работу.

– Нетрудно, если знаешь нужных людей. – Теперь в его голосе звучало бахвальство.

Мы прошли немного дальше, Натаниель болтал без умолку, и я вернул разговор к нашей предыдущей теме. Мне было интересно, захочет ли Сципион разговаривать со мной. Большой любви к своему хозяину он явно не испытывал.

– Скажи мне, Сципион – раб?

– Нет, свободный человек. В Дептфорде немного свободных негров. Они боятся, что им подмешают наркотик и они проснутся в трюме корабля, пересекающего Атлантику.

– А Сципион не боится?

– Он работает на мэра. Никто его не тронет. – Натаниель нахмурился. – Папа всегда говорил, что негру незачем учиться читать, им это нужно не больше чем Яго. Но мистер Валентайн – простите, мистер Арчер – говорил, что черные могут учиться точно так же, как вы или я.

Натаниель смотрел на меня, явно желая знать, что я думаю по этому поводу.

– Мистер Арчер не ошибался. Я как раз вчера познакомился с чернокожим джентльменом, который написал книгу.

– Папа от такой новости в гробу бы перевернулся, – ухмыльнулся Натаниель.

Мы дошли до ворот, за которыми начинались частные причалы, и Натаниель кивнул на стражников:

– Они обязательно потребуют у вас денег, но не давайте им себя доить. Не больше шиллинга, сэр. Даже это грабеж среди бела дня.

Я бросил ему обещанные монеты, и парень ловко поймал их.

– Не забудьте, сэр, вы можете найти меня в гостинице, если вам что-нибудь потребуется. А после наступления темноты приходите на склад. Дежурить всю ночь в одиночестве бывает очень скучно. Я буду только рад, если вы составите мне компанию.

Я тоже был рад, что нашел союзника в Дептфорде, и сказал ему, что вполне могу прийти. Натаниель отдал мне честь, как делают в армии, и ушел, посвистывая.

Глава шестнадцатая

На территории за воротами находилось около сотни складов, а также портовые бассейны и сухие доки, судоподъемные эллинги и ремонтные верфи. На дорогах между складами было странно тихо, и я вскоре обнаружил причину этого. Я завернул за угол, следуя указаниям стражника у ворот, и увидел огромную толпу рабочих, собравшихся перед одним из складов. Все их внимание было сосредоточено на разворачивающемся зрелище. Они были так взбудоражены, так дергались и морщились, что я догадался, что там идет петушиный бой или боксерский поединок. Я протиснулся сквозь толпу и обнаружил, что ошибался.

Два портовых грузчика прижали полуобнаженного мужчину животом к бочке, его спина была покрыта перекрещенными кровавыми полосами. Четвертый мужчина в рубашке стоял позади них, держа в руке кнут из телячьей кожи. Он взмахнул им в воздухе, потом со щелчком обрушил на спину несчастному. Звук этого щелчка эхом отразился от деревянных складов вокруг. Тошнотворно пахло кровью, в воздух взлетели новые брызги, по телу жертвы прокатилась судорога, и мужчина застонал.

Я спросил у ближайшего ко мне зрителя, чем мужчина заслужил такое наказание.

– Кто знает? – ответил тот, пожевывая табак. – Богохульствовал во время работы. Играл в кости в субботу. Много не нужно, чтобы стать грешником в глазах Джона Манди.

Манди был как раз тем торговцем, которого я искал. Я с интересом принялся рассматривать мужчину с кнутом, высокого и крупного, как амбарная дверь. Я дал бы ему лет пятьдесят. Он вспотел, и промокшая от пота рубашка прилипла к его мускулистому торсу. Парик он не носил, голову брил наголо, и за годы под южным солнцем она загорела так, что приобрела цвет темного красного дерева и сейчас из-за пота блестела, как каштан. Он поднял руку, и кнут снова опустился на спину несчастного.

– Помилуйте меня! – кричал лежавший на бочке мужчина.

Никакой милости в глубоко посаженных глазах Манди я не увидел. Казалось, порка длилась целую вечность. Наконец Манди отошел назад, тяжело дыша, и бросил кнут одному из мужчин, державших жертву.

– Вымойте его.

Толпа начала расходиться, разочарованно ворча из-за того, что зрелище закончилось. Часть людей отправилась на склад у нас за спиной. Манди взял полотенце, лежавшее на одном из ящиков, и вытер руки.

– Мистер Манди? – сказал я, подходя к чему.

Несколько секунд он оценивающе меня оглядывал, давая и мне возможность поближе рассмотреть его лицо. На его загорелой коже было много морщин и каких-то трещин, как на старом куске дерева, который давно лежит на улице, открытый всем ветрам. Две самые глубокие морщины обрамляли его орлиный нос и почти касались уголков его напряженного, не улыбающегося рта.

– У вас есть преимущество, сэр, – сказал он. Местный диалект в его речи заставлял предположить, что он совсем не благородного происхождения.

Я вручил ему свою визитку, представился и поклонился. Манди ждал только, чтобы я объяснил, что мне от него нужно.

– Я ищу подходящее предприятие, чтобы вложить наследство. Мне сказали, что вы, возможно, подыскиваете инвесторов.

Я решил скрыть свою истинную цель, в частности потому, что связь Тэда с Манди и его компанией оставалась для меня непонятной. Хотя Чайлд говорил, что убийца не стал бы подставляться, используя клеймо своего хозяина, я считал возможным, что человек, которого я ищу, был членом экипажа на корабле Манди. Может, Фрэнк Дрейк, может, кто-то еще. В Лон-

доне джентльмен может ожидать помощи от торговца, если одного из его работников подозревают в преступлении, но, как любил напоминать мне Чайлд, это не Лондон. Мне также пришло в голову, что Манди вполне мог быть тем работоторговцем, которому докучал Тэд. Возможно даже, что он сам был причастен к убийству Тэда.

Манди изучил мою визитку.

– Военное министерство? Вы служили в колониях?

– Несколько лет, пока не получил ранение под Саратогой.

– В таком случае рад познакомиться с вами, капитан. Война – гнусное дело, но необходимое. Во многом она похожа на работоторговлю. Сколько вы планируете инвестировать?

Я назвал серьезную сумму – долго не думая:

– Тысячу фунтов.

Манди бросил полотенце на ящик и взял лежавший на нем горчичный сюртук и завитой парик серебристого цвета, надел их и протянул мне руку для рукопожатия.

– Я сейчас действительно ищу инвесторов для своего следующего путешествия. Семи сотен будет достаточно. Могу вам рассказать все поподробнее, если зайдете в контору.

Когда мы проходили мимо бочки, я бросил взгляд на нее, коричневую от крови избитого на ней человека. Похоже, Манди почувствовал мое неодобрение.

– Наши методы могут показаться вам излишне суровыми, капитан, но этот человек украл мешочек табака из одного из моих ящиков. Я не позволю воровать – ни у себя, ни у моих инвесторов.

Внутри склада было прохладно и темно. Мужчины карабкались вверх по стопкам ящиков с грузами или тащили их по проходам. Другие прикрепляли к ящикам веревки или поднимали с помощью подъемников и шкивов. Свет попадал внутрь только из ряда небольших окошек под самой крышей. Пылинки плясали в лучах света, напоминая золотой дождь в опочивальне Данаи.

– Что вам известно о торговле через Атлантику, капитан Коршэм? И о моей компании «Атлантик Трейдинг»?

– Совсем немного.

Это было не так, но мне хотелось побольше узнать о том, как он ведет бизнес.

Манди повел меня по одному из проходов и крикнул кому-то из рабочих, чтобы тот принес ему ломик. Я смотрел, как он открывает ящик. Внутри оказались пузатые холщовые мешочки. Манди вынул нож из-за пояса, разрезал один из них и жестом предложил мне осмотреть содержимое. Стекланные бусины. Тысячи бусин! Он предложил мне взять товар в руки, и я набрал пригоршню, позволяя крошечным разноцветным шарикам выскользнуть из моих пальцев.

– Их любят негритянские принцессы, – пояснил Манди. – За пятьсот бусин можно купить одного африканца. Еще они любят ром и табак. И стрелковое оружие. Даешь им оружие, и негры могут захватить больше пленных из соседних племен, а потом продать нам. Те племена, в свою очередь, хотят защищаться и тоже обращаются к нам за оружием. Мы принимаем оплату только рабами, и таким образом торговля теперь ведется по берегу всего Гвинейского залива. Приятная симметрия, не правда ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.